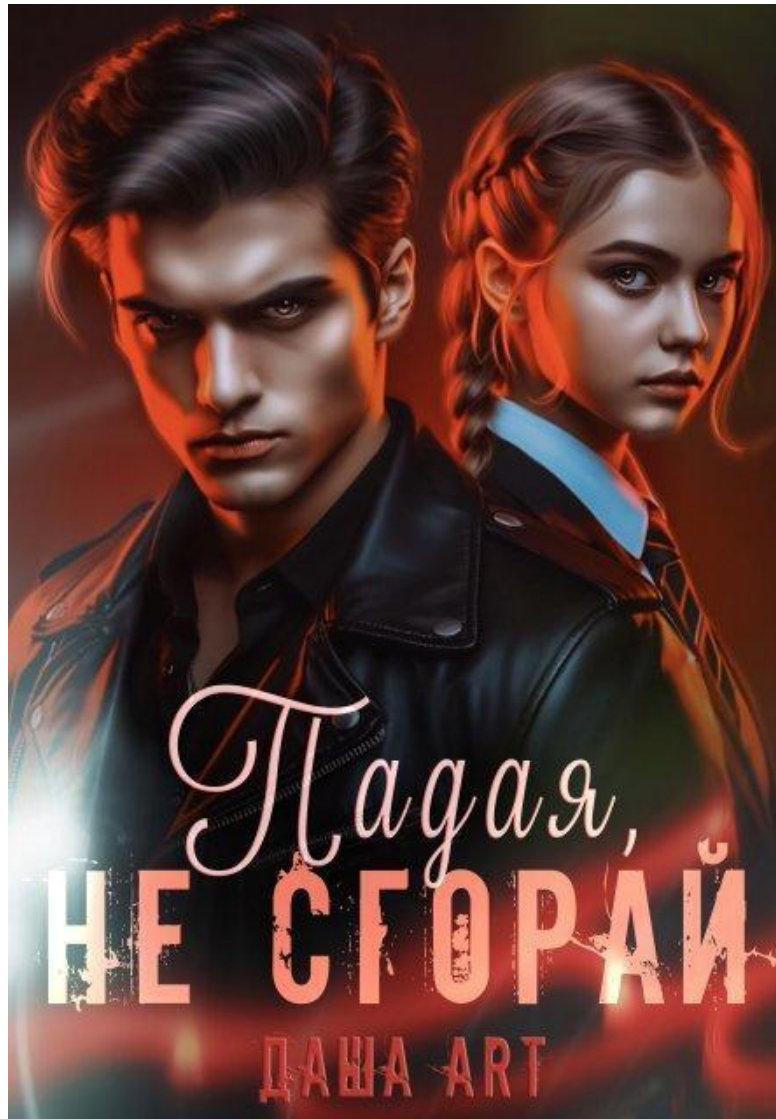

Когда,
НЕ СГОРАЙ

ДАША ART

Даша Art

Падая, не сгорай

<https://litres.ru/74220953>

Аннотация

Анна Лебедева - обычная девушка, после ужасной трагедии оказавшаяся в школе для богатых детей. Два года обучения не принесли ей ничего, кроме боли и унижения, ведь одни посчитали её игрушкой, а другие вовсе возненавидели. Однако все меняется, когда в школу возвращается Вероника Громова, чей брат до сих пор видится Ане в кошмарах. Кирилл Громов – богатый парень, считающий бедность заразной. Он не доверяет Ане и не хочет видеть её рядом с сестрой. Всё становится сложнее, когда Ника просит Аню о помощи, а учитель танцев ставит Кира и Аню в пару. Они ещё не знают, насколько переплетены их судьбы, но сердцу не прикажешь. Вот только любовь не всегда приносит лишь счастье. Не всё можно забыть или простить. Взлетая, будь готов к падению. А поджигая, старайся не сгореть. Запомни одно правило: падая, не сгорай!

Однотомник. Happy End.

Содержание

Тизер	4
Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	47
Глава 6	56
Глава 7	63
Глава 8	73
Глава 9	85
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Тизер

Тизер

Он: Ненавидеть её было легко. Игнорировать – ещё проще. Но одного прикосновения к напуганной девчонке хватило, чтобы возведённое здание рухнуло, а меня засыпало руинами из сожалений. Это всё моя вина. Признаю. Именно я виновен во всех бедах, с которыми она столкнулась. Но она об этом не догадывается...

Она: Возможно, ненавидеть его – это правильный путь. Я могу обвинить этого парня во всём: правда на моей стороне. Но раскаяние в зелёных глазах заставляет сердце дрогнуть. Я не могу его презирать – никогда не могла. Хотя тогда я ещё не знала, какую роль он сыграл в моей жизни...

Предубеждение и недомолвки. Ненависть и сомнения. Страх и отчаяние.

А также любовь, дружба и прощение.

Happy End

Пролог

2 года назад

POV Аня

- Милая, ты ведь понимаешь, о чём я?

Нет, я не понимала, что она говорит.

Не так.

Я не хотела верить, что она вообще это говорит. Думала, что нравлюсь ей. Именно к ней я обратилась в первую очередь.

- Ты и я... Мы ничего не сможем сделать. Прими это.

Руки учительницы тянутся ко мне через учительский стол. Двигаю своё натянутое струной тело назад, подальше от утешающих прикосновений. Нуждаюсь не в них, а в справедливости.

Настасья Андреевна видит это, больше не пытается коснуться, просто вытягивает руки вдоль стола.

Опускаю голову ещё ниже, почти касаясь подбородком столешницы первой парты, стоящей вплотную к учительскому столу. Не хочу здесь находиться. Ещё в пятницу я была рада, а в понедельник едва сдерживаюсь, чтобы не броситься вон с криками, обливаясь холодным потом от страха и отчаяния.

Никто не собирается мне помогать. Никому нет дела до того, что произошло в пятницу во время школьной дискоте-

ки. В соседнем классе. Глаза исподлобья упираются в стену. Прямо за ней.

Кого я обманываю? В глубине души сквозила правда: именно по этой причине я не рассказала маме или её подруге. Они бы ни за что не спустили всё на тормозах, пострадав в процессе. Могла ли я такое допустить? Конечно, нет. Мы ещё после трагичной гибели отца не оправились.

- Реальность такова, - продолжала Настасья Андреевна, ещё три минуты назад бывшая моим любимым учителем, - что школа заступится за него. Адвокаты выставят тебя в плохом свете. Они обвинят тебя. Скажут, что ты сама на всё согласилась. Вы оба несовершеннолетние. Ему ничего не будет, а вот тебе...

Моё тело словно коченеет. Жмурюсь, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

- Из школы тебя попросят уйти.

- Я и так не хочу здесь оставаться, - с трудом и едва слышно произношу: язык не слушается.

Учитель или не замечает, или прикидывается.

- Вероятно, сделают отметки в твоём деле, после чего тебя не возьмут ни в одну приличную школу, да и с университетом будут проблемы.

Ещё утром реальность казалась туманной, но друг предстала передо мной кристально чистой и такой сырой. Зябну, будто оказываюсь в болоте. Из которого не выбраться.

- Давай просто сделаем вид, что ничего не произошло, м?

– Собираюсь с силами, чтобы посмотреть на женщину, преподающую живопись. Она нервничает. Не могу сказать, что это меня радует, но и не усугубляет положение. – В конце концов, ничего непоправимого не случилось.

Вздрагиваю от этой фразы. Глаза наполняются непролитыми слезами. На губах уже чувствуется солоноватый привкус.

Не случилось?

Тогда почему моё тело ощущается каким-то чужим? Почему страх ещё сковывает нутро, а синеватые следы его рук на коже саднят? Кусок не лезет в горло, зато сон приносит лишь кошмары.

В голове только одна мысль – справедливость спасёт хрупкое равновесие. Непостижимо. Этого не будет.

- Я поговорю со школьным психологом. Она позанимается с тобой. Оставим всё в тайне.

Как можно промолчать? Как можно просить меня об этом? Упрямо поджимаю губы. Настасья Андреевна видит это, хмурится.

- Послушай, - она резко встаёт, выходит из-за стола, - твоё слово будет против его слова. Они встанут на его сторону. Родители в попечительском совете. У тебя нет доказательств. Никто не поверит, даже если я поручусь за тебя. Меня уволят, тебя отчислят.

Учитель вздыхает, скрещивает руки под грудью.

- Давай просто забудем? Сосредоточимся на занятиях. Я

подготовила для тебя отличную программу. Впереди много конкурсов. Если будешь периодически выигрывать, то тебя без проблем возьмут в институт искусств. Не будем портить твоё будущее.

Слова звучали для меня белым шумом. Просто помехи, которые мозг не смог разобрать. Смысл прошёл мимо. Я не могла запросто перешагнуть через случившееся. Тело горит, словно в лихорадке. На лбу выступает испарина.

Усталость ложится на плечи тяжким грузом. Мне страшно и обидно. Неужели в этой жизни всё так несправедливо?

Не хочу вспоминать, но воображение художника играет со мной злую шутку. И вот я вновь в том классе. Руки шарят по моему телу против воли. Соппротивляюсь. Всхлипываю. Прошу отпустить меня. Слышу голос...

- У меня есть свидетель, - выдыхаю, а затем делаю быстрый вдох, словно прихожу в себя.

- Свидетель? – Настасья Андреевна скептически поднимает брови. – Ты уверена, что этот свидетель захочет говорить?

Секундное сомнение, затем утвердительно киваю.

- Тогда тебе стоит поговорить с твоим... хм, свидетелем прежде, чем объявлять войну отпрыску одной из самых влиятельных семей нашей школы.

Глава 1

Наши дни

POV Аня

Папа всегда учил меня, что ненависть – это плохое чувство. Тёмное, обжигающе горячее. Оно разрушает нашу душу.

Я была послушной девочкой, всегда слушала папу, пока он был рядом.

Но папа умер два года назад. Тогда же случилось то, что подорвало мою веру в людей. Отвечать добром на добро стало невозможно. Это как смешать акриловые и масляные краски. Не стоит ждать хорошего результата.

В школе уже не так тихо, как вчера вечером, когда я уходила. Моё появление вызывает серию осуждающих взглядов, шёпот возмущений. Они до сих пор не поняли, что я здесь делаю.

Вот вам пять фактов обо мне.

Факт № 1: я учусь в школе для обеспеченных детей. И попала я сюда ценой жизни моего отца. Только это удерживает меня в стенах здания.

Детишки брезгливо расступаются, не желая случайно задеть меня. Это не вызывает никакой реакции с моей стороны. Как бы печально это ни звучало, но я привыкла.

Факт №2: здесь у меня нет друзей.

Иду по коридору. Глаза сами находят картину, которую повесили лишь вчера. На холсте акриловыми красками нанесён мрачный пейзаж. Отворачиваюсь. Лёгкие сжимаются, не желая принимать удушающую гарь, требуя чистый воздух. Надежда, с которой создавался рисунок, не оправдалась.

Факт №3: живопись – единственное, что до сих пор помогало мне справляться.

Сердце стучит неравномерно, будто у меня аритмия. А живот медленно, но верно скручивается в трубочку. Впереди на лестничном пролёте замечаю шумную компанию. Ненароком дотрагиваюсь большим пальцем до маленького серебряного колечка на безымянном пальце с гравировкой «спаси и сохрани». Руки холодеют, а пальцы предательски немеют, не давая сжать кулаки.

Поворачиваю направо, чтобы подняться на второй этаж в класс. Я ни разу не запнулась, несмотря на мои мольбы, чтобы пока преодолеваю первый пролёт, на нас свалился метеорит, не давая мне поравняться с группой смеющихся и активно жестикулирующих ребят.

Встречи не избежать. Корю себя, что не пошла другой лестницей, пусть она и на реконструкции. Я могла бы быстро прошмыгнуть, никто бы из учителей не заметил. Хотя не думаю, что мне удалось бы избежать этой встречи. Сделав круг, всё равно бы вышла к кабинету, сразу после этой лестнице.

Школа представляет собой здание с двумя крылами, зеркально отражающими друг друга. Соединяет их широкий

коридор на первом этаже и актовый зал на втором. Ты можешь войти через главный ход, подняться по лестнице первого крыла на второй этаж, пересечь коридор по актовому залу, и выйти во второе крыло. Первое крыло частично на реконструкции, как и сама лестница.

Опускаю голову, мысленно перечисляю все плюсы школы, в тысячный раз убеждая себя, что не могу развернуться и навсегда покинуть её. Осталось двести семьдесят дней, я стану свободной.

Ученики замечают меня, смех стихает, зато слышатся презрительные вздохи. Делаю шаг, ступая на лестницу, но приходится остановиться, словно наткнувшись на отполированную стеклянную стену.

- Слышала, что советь и стыд – это удел нищевродов, так почему же ты такая бесстыдная?

Высокий женский голос режет ультразвуком, морщусь от неприятных ощущений в ушах. Медленно веду глазами вверх.

Женские и мужские ноги. Темные брюки, телесные капронки, чёрные гетры. Юбки в клетку короче необходимого минимума. Жакеты, галстуки, белые рубашки. В нашей школе вовсе не уникальная форма. Зато жутко дорогая, словно платы за обучение, кружки и различные секции недостаточно.

Мы с мамой никогда бы не потянули подобное образование. Даже если бы папа был жив. Но так уж вышло, что имен-

но после его смерти, я оказалась здесь.

В самих же учениках не было ничего особенного. Обычные школьники с дорогими телефонами и украшениями.

Кто-то с прыщами, или рубцами от них. У кого-то слишком длинные стрелки, нарисованные дорогой подводкой.

Девушка справа от меня нервно тербит неудачно осветлённые волосы, высушенные концы так и просятся под ножницы. Кто знает, может на уроке рукоделия моя рука соскользнёт, помогая выжить её волосам? Останавливаю фантазию. После этого мне не выжить.

- Думаешь, раз выиграла конкурс, сразу стала нам ровней?

По-прежнему не могу сдвинуться с места. Ученики и не думают отодвинуться, позволяя пройти. Перевожу взгляд на не унимающуюся стерву.

Она симпатичнее своих подруг. Тёмные блестящие волосы, аккуратный макияж, губы же стали больше с прошлого раза. Не то чтобы я следила, но из её рта всё время льются помои. Красивая, богатая, с раздутым самомнением, и такая желчная, что от слюны сдохнет любое растение.

В прочем, они тут все с манией величия. И да, я выиграла конкурс. Не один. Уже третий год обхожу нашу королеву, словно нарочно провоцируя. Но кто же виноват, что судьям мои рисунки нравятся гораздо больше?

- Она оглохла? – хохотнул придурок Галетов. Он из моего класса. – Медицина сейчас дорогая. Разве нищих лечат? Эй, сходи, уши промой!

Факт № 4: в среднем по статистике страны я не бедная, но для учеников этой школы ничем не лучше вокзального бомжа.

- Жалко, что нельзя промыть мозги.

Это вырвалось прежде, чем я хорошенько взвесила последствия. Огрызаться – себе дороже. Но в данной школе слово – это воробей, которого не просто поймают, из него сделают чучело.

Женская половина выпятила губы трубочкой, а мужская подняла брови. Только одни брови остались на месте. Хотя это только моя догадка. Не буду проверять.

- Давненько мы не ставили тебя на место, - цокнула королева, выходя вперёд. – Вот вам и власть народу.

Глаза компашки предвкушающе блеснули. Кровожадность – ещё одна отличительная черта богатеньких упырёнышей. Пока их родители-упыри пью кровь у подчинённых, эти наслаждаются издевательствами над одноклассниками.

Я не шарахаюсь назад. Любое неловкое движение – кубарем плечу вниз на потеху жаждущей публике. Лишь мои онемевшие пальцы сжимают ремешок сумки.

Она останавливается на ступеньку выше меня, показывая, кто выше. Может быть, придёт тот день, когда я смогу скинуть её с пьедестала. Но это точно не сегодня. Сколько бы я ни выигрывала, королева всегда на троне.

Рука с красивым маникюром тянется ко мне. Что она хочет? Вцепиться в мои волосы? Сорвать сумку? Порвать жа-

кет?

- Не трогай её, - вмешивается голос, от которого у меня проступают мурашки. Почти каждую ночь я слышу, как он скучающе растягивает слова, словно ему безразлично то, что видит перед собой. Разве это возможно?

Чёрствость Кирилла Громова оглушает. А я продолжаю просыпаться в холодной испарине.

- Это ещё почему?

Девушка оборачивается к парню.

- Кир? – торопит, когда не получает ответ.

Сдаюсь: поднимаю глаза, чтобы посмотреть на него.

Высокий. Немного лениво облокотился на стену. На голове то, что называют модным творческим беспорядком, или же бунтарством. Я же считаю, что мальчик уже достаточно взрослый, чтобы подружиться с расчёской.

Красивый, словно из девичьих фантазий.

Нос, губы, резкая линия челюсти, зелёные глаза... Они лишь однажды смотрели на меня прямо. Мне не понравилось.

- Она приехала на автобусе. От неё воняет и... Там куча инфекций.

- Точно, - спохватывается королева, одёргивая руку, - ещё подхвачу что-нибудь. Да и вонять тоже буду.

- Фу-у-у, - протягивают подпевалы. Парни загоготали, словно ничего остроумнее не слышали.

Унижение. Была бы благодарна, если бы она просто в оче-

редной раз вцепилась в мои, ненавистные ею, волосы. Внутренности сжимаются, защемляя сердце. Глаза щиплет, а губы дрогнули.

«Не подходи ко мне. От тебя воняет бедностью».

С трудом втягиваю воздух. От меня ничем не воняет. Я не грязная, одежда тоже постиранная. Но чувствую себя замаранной, словно облили помоями.

Звенит первый звонок, призывая учеников занять свои места. На меня бросают ещё несколько косых взглядом, затем дружно разворачиваются и устремляются восвояси.

Блондинка успевает саркастично хмыкнуть:

- Что *он* только в тебе нашёл?

По позвоночнику опустился колющий холодок. Вот бы *он* вообще на меня никогда не смотрел.

- Лучше пахнуть бедностью, чем смердеть душевной гнилью, - успокаиваю себя, уверенная: меня уже не слышат. Но стоит сделать шаг, понимаю, что не одна.

Кирилл всё также стоит у стены, словно не собирается идти на урок. И взгляд его заставляет меня съёжиться. Но парень молчит.

На лестнице не так уж много места. Осторожно прохожу мимо него, словно ожидая броска кобры. Давно понятно, кто есть кто. Я уже распрощалась со всякой надеждой на его человечность.

- Иди нормально, сдалась ты мне, - брезгливо фыркает парень. – Не по твою *чистую* душеньку здесь торчу.

Моргаю. Он слышал. Продолжаю свой путь молча.

- Ближе к перилам, - он указывает рукой, где мне следует пройти мимо него, - не хватало ещё ненароком дотронуться до тебя. Бедность заразна.

Яд, сорвавшийся с его губ, оставил ещё один след в хрупком равновесии моей вселенной. Содрогаюсь от ощущения резкого порыва ледяного ветра в грудной клетке. Хочется крикнуть, что есть мочи. Ведь я ничем не отличаюсь от этого высокомерного отродья. Так почему должна терпеть их издевательства?

- Веди себя тише, - слышу уже за своей спиной, подходя к двери класса. – Ты зарываешься. Если не выучила уроки, они будут не прочь их повторить.

Кричать расхотелось. Ненависть к уродам наполнила каждую клеточку моего тела. Она делает меня сильнее.

Факт № 5: два года назад я не смогла объявить им войну. Тогда они устроили охоту на меня.

Глава 2

POV Аня

Прошла уже половина урока, когда дверь резко открылась, и в кабинет вошла девушка в растрёпанной и помятой школьной форме. Позади неё мелькнула знакомая мужская фигура. Он ещё стоит на лестнице? Решил прогулять? Непохоже на отличника.

Галет захлопал в ладоши и зауhal, словно горилла, узнавая вошедшую. Незнакомка никак не отреагировала на бурное приветствие дурочка, даже голову не повернула в его сторону, лишь хлопнула дверью, выражая крайнюю степень недовольства. Несколько широких шага привели её к столу учителя.

Не могу удержать свои брови на месте. Широко распахиваю глаза. Казалось бы, картина не такая уж удивительная. Мне, перемещающейся на автобусе, вполне привычна. Но не в рамках этой школы.

Красивая темноволосая девушка с мальчишеской стрижкой, серией серёжек в ушах, по одной в носу и губе. Прикидываю, есть ли у неё татуировки. Вполне возможно.

- А, Вероника Громова, - поприветствовала математичка, - я уж было подумала, что вы решили проигнорировать мой урок. Сегодня мы повторяем, но завтра будет новая тема, прошу не пропускать занятие. Садитесь.

Задерживаю дыхание, понимая, что единственное свободное место находится по соседству со мной. По каждому движению девушки понятно, что ей это не понравилось.

- Садись со мной, Ника, - басит гориллоподобный Галет своему другу. – Освободи место!

- Да не хочу я.

Он пинает соседний стул. От неожиданности его сосед крикает, затем опрокидывается вместе со стулом. Грохот сотрясает стены. Слышатся охи учеников. Все разом оборачиваются на задние парты.

- Что за цирк вы устроили, Галетов? – вскидывается учитель, поправляя прямоугольные очки. – Вероника уже заняла парту на сегодняшнем уроке. Дальнейшее перемещение обсудите после занятий.

Математичка поправляет свой классический костюм-двойку, после чего отворачивается к доске. Я тоже вернулась к своим записям, проверяя, где остановилась.

Временная соседка по парте достала новую тетрадку и ручку, но даже не открыла её. Просто уставилась перед собой. Я украдкой глянула на неё. На близком расстоянии можно различить бледную кожу и серию ярких веснушек на носу и щеках. Солярий перестал быть модным. Да здравствует анемичный аристократизм.

- Что-то хочешь мне сказать, ангелочек?

Требуется несколько секунд, чтобы понять, к кому она обращается.

- М? – С каких это пор я стала ангелочком? – Ничего.

- Вот и не пялься, - огрызнулась Вероника. Голос у неё на удивление мелодичный, хотя от такой особы ожидаешь прокуренной хрипотцы. Стереотипы. – А то вылупила тут свои голубые глаза. Ещё и волосы отрастила. – Девушка чуть наклоняется ко мне. – Папин ангелочек, не так ли? Хорошо пользуешься своей внешностью? Научилось манипулировать?

Отшатываюсь, убеждаясь, что одним из пунктов требований зачисления в данный богатый храм знаний является стервозность. Святые соболиные кисти, мы ведь даже не знакомы.

Я отворачиваюсь с твёрдой уверенностью не обращать внимания на странную новенькую. Она всё равно не будет здесь на следующем уроке. Никто не хочет сидеть рядом со мной. Вдруг ненароком заразится *бедностью*. Здесь это считается неизлечимой болезнью. Если понадобится, то и парту лишнюю поставят. А если у школы не будет в наличии, то карманных денег с лихвой хватит, чтобы сделать заказ в крупном мебельном магазине.

Но меня ждало ещё большее изумление. Соседка не появилась ни на одном из последующих уроков.

Домой я пришла раньше обычного. Как ни крути, а настрояния рисовать не было. Радует только то, что удалось застать маму. Она как раз собирала сумку.

- У меня дежурство сегодня, Ньюта, - заплетая тугую косу перед зеркалом, повторяет мама, хотя я знаю её расписание.
- Знаю.

Подхожу к ней сзади, вижу наше отражение. Мы с ней примерно одинакового роста, обе худенькие, с густыми русыми волосами. Любой скажет, что я мамина копия. Голубые глаза, маленький носик и аккуратные губы. Можно сказать, что мы красивые. Но какой толк от красоты, когда жизнь диктует свои условия?

- Как дела в школе?

- Нормально, - привычно отвечаю, умалчивая.

Мама ловит мой взгляд. Иногда мне кажется, что она всё знает. Но никогда не настаивала на ответах, не докапывалась до сути. Ей самой нелегко. Смерть папы, ответственность за меня. Я просто благодарна наличию матери в своей жизни.

Она любила папу, но ради меня не впала в депрессию, разрушая себя. Мама стиснула зубы, крепче сжала кулаки, взвалила на плечи кучу обязанностей, двинулась вперёд, потащив меня на буксире.

Поэтому я не имела права жаловаться. Просто не могла себе позволить расстроить её. Мама обрадовалась, когда в качестве компенсации мне предложили обучение в престижной школе.

- Папа бы хотел этого, - дала согласие мама, её глаза блестели от слёз. – Правда ведь?

Тогда я не нашлась с ответом. Не знаю, чего бы хотел мой

отец, но я бы точно выбрала его живого вместо обучения в элитной школе. Тем более, когда выяснила, что скрывается за презентабельным фасадом.

- Мне звонила Настасья Андреевна, - опускаю глаза при упоминании учительницы. – Она сказала, что ты выиграла конкурс. И что если займешь первое место в конкурсе, организованном Институтом искусств, то тебя автоматически зачислят. Почему ты мне не рассказала?

Для чего преподаватель это делает? Зачем звонит маме каждый раз? Как она вообще может спокойно с ней разговаривать, когда два года назад сделала всё возможное, чтобы замять случившееся?

Не хочет, чтобы я соскочила с крючка? Но уже и так прошло слишком много времени, чтобы откапывать замурованную в школьных стенах тайну.

Может, чувствует вину? Отметаю эту мысль сразу.

- Он будет после нового года, - пожимаю плечами, но больше похоже на то, что меня ударило током. – Незачем бежать вперёд паровоза.

- Ты права. – Мама погладила меня по голове. – Я приготовила тебе ужин. Заведёшь будильник, или мне тебя разбудить?

- Будильник.

- Договорились.

Мама подняла свою сумку, поцеловала меня в лоб, затем опустилась на пуфик, чтобы надеть кроссовки. Я молча на-

блюдала ритуал, зная всё до мелких движений. Вот она встала, взялась за ручку. Обернулась, чтобы посмотреть на меня. Её взгляд в этот момент оседал в груди. Мама словно каждый раз прощалась со мной навсегда. Это пугало.

После внезапной смерти папы, тревожность затопила родительское сердце. Странно для операционной медсестры. Она ведь точно имеет представление, что человек может умереть в любой момент.

Ободряюще улыбаюсь ей, хотя радоваться особо нечему. Мама отвечает мне тем же, затем всё же уходит на работу. А я тщательно закрываю за ней дверь. На все защёлки, да ещё и ключ оставляю в замочной скважине. Назовите меня параноиком, но мне бывает страшно одной. Особенно, когда слышатся звуки под окном или в подъезде.

Есть совсем не хочется. Иду в свою комнату. Родители обустроили её для меня пять лет назад, переехав в зал.

Пусть для одноклассников я нищая, но по меркам государства мы среднестатистическая семья. Живём в собственной двухкомнатной квартире в спальном районе. Есть машина. Мама получает не особо много, плюс ещё пособие по потере кормильца: на жизнь хватает, с голоду не умираем, но чтобы совершить какую-либо покупку, приходится откладывать. Всё как у всех.

В моей комнате из мебели всего лишь кровать, стол, стул и шкаф. Из техники – старенький ноутбук. Вместо телевизора – мольберт. Последний подарок отца. Для уюта мама по-

весила светлые шторы и тюль, на стену – картину, которую я нарисовала первой, когда научилась изображать лица. Это наш семейный портрет. Мама, папа, я – счастливая семья. Аж выть хочется.

Снимаю форму, вещаю её в шкаф. С ней приходится быть крайне осторожной при работе с краской. Я уже поставила крошечное пятнышко на жакете, теперь не могу отстирать, а новый просто не потяну.

Надеваю потрёпанный топ и шорты, сажусь за мольберт. Уже несколько недель делаю набросок, но не получается. Главным образом, потому что сама чётко не представляю, чего хочу добиться.

Вздыхаю, закрывая глаза. Совсем скоро состоится выставка моей любимой художницы Инны Свободиной, которой не было несколько лет. Попасть на неё сложно, а для простой ученицы и вовсе невозможно. Будь я понаглее, то попросила бы Настасью Андреевну провести меня посмотреть одним глазком. Но я этого не сделаю, довольствуясь лишь картинками в соцсети.

Отодвигаю мольберт в сторону, ложусь на кровать. Опустошающий день. Уже было подумала, что им надоело глумиться над бедной ученицей. Оказалось, что они просто дали мне отдышаться.

Стерва Трисса не простит мне свой проигрыш. В её глазах это выглядит унижением. Она будет мстить единственно известным ей способом – издевательством над слабым про-

тивником. И пусть я ещё два года назад смирилась с участью, всё равно больно.

Перед глазами обугленная лестница, темные стены. Деревянные перила рассыпались. Беспорядок убрали, но это не повлияло на устрашающую картину, как из социальной рекламы, предупреждающей, что спички детям не игрушки.

Мурашки по коже. Низ живота стягивает тонкий пищеводный узел. Страшно.

Отчаянно хочу шагнуть и одновременно махнуть рукой, разрывая связь. Меня тянут невидимые прутья.

Кто-то настырно шепчет под ухом:

- Давай, подойди, посмотри. Возможно, всё случилось именно здесь. Вот прямо на этом месте. Может, чуть выше.

На втором этаже?

Поднимаю голову, словно наяву слышу строгие выкрики:

- Быстрее! По одному! Прикрывайте рот и нос рукавами! Без паники! Не толкайтесь!

Но здесь тихо. И темно.

Чёрный потолок требует побелки. Пламя не щадит никого и ничего, оставляя лишь уродливые обугленные следы. Огонь не чувствует твоей боли. Он, словно чудовище, питается тем же воздухом, что и мы, разрастается с дьявольской скоростью, сметая всё на своём пути.

Тех, до кого не может добраться самостоятельно, убивает, лишая самого необходимого. Угарный газ ядовит и

опасен ничуть ни меньше. Лёгкие стягивает, парализует. Мозг не считывает сигналы.

Это конец.

Не хочу здесь быть. Ничем не заслужила эту привилегию.

*Уже готова сделать шаг, чтобы узнать, а после – за-
быть.*

- Аня? Что здесь делаешь?

Резко оборачиваюсь, услышав своё имя.

- Пойдём, - зовёт меня, - там весело.

И я иду за ним. Понимает. Поддерживает.

*Рука касается моей ладони. Приятно. Успокаивающе.
Вокруг словно туман, крепче хватаюсь за парня, веря, что
он выведет меня.*

*Прикосновение становится откровеннее. Губы бормочут,
не могу разобрать. Сердце стучит слишком сильно. Мне не
нравится.*

*Пытаюсь оттолкнуть, убрать проклятые, бродящие по
моему телу руки. Одна удерживает на месте, больно при-
жимая к парте, другая шарит по бедру, задирая платье.
Больше не в безопасности. Обман. Я попалась.*

*Не хочу чувствовать жёсткие губы, настёрно впиваю-
щиеся в шею. Укус. Шиплю. Мне больно. По щекам текут
слёзы.*

Ещё страшнее.

Не сон. Не фантазия. Реальность.

Сражаюсь сильнее. Вырываю руку, бью кулаком по лицу

урода.

Пощёчина в ответ вырывает крик...

Слышу голос...

Его не забыть.

Никогда не смогу.

Руки исчезают.

Звучит телефонный звонок. Рингтон маминого телефона.

Оглядываюсь. Моя комната. Передо мной мольберт. Не могу разобрать рисунок.

Мама отвечает на звонок:

- Алло. Да.

Оборачиваюсь. Затем кошусь на время. Уже под утро. Кто может звонить в такое время?

Подозрение заставляет заёрзгать на стуле.

Мама то ли кричит, то ли стонет. Может и то, и другое. Звука страшнее не слышала прежде. Подскакиваю, бегу к ней.

Коридор. Длинный. У нас в квартире такого нет.

Замираю на пороге зала. Одышка. Мама нет в комнате. Зову, но она не отзывается. Шторы закрыты, зеркало на шкафу завешено чёрной кофтой.

Ощущение неправильности скользит по коже, забираясь внутрь одним укусом. Провожу по руке, словно отгоняю назойливого комара, затем щецу маленькую выпуклую ранку.

В голове снова голос. Качаю головой, чтобы избавиться

от него. Одолевает злость. Не хочу его слышать, но он нахальный, как и его владелец.

Перебивает новый звонок. Это не мамин телефон. И не мой. Звук доносится из моей комнаты. Настырный. Не замолкающий.

Не чувствую ног, возвращаюсь. Коридора уже нет. Всё как обычно. Светит солнце. Ярко. Забыла задвинуть шторы. Но всё опять неправильно, словно что-то незримо изменилось до неузнаваемости.

В какой момент моя комната стала такой пустой? Куда делить плакаты? Мои картины? Где стопки книг подростковых романов? Где плюшевые мишки, различные девчачьи безделушки?

Мелькает мысль, что папа бы сейчас не узнал мою берлогу, в которой всегда было уютно и тепло. Мама же смирилась, списав на то, что дочь повзрослела, не подозревая об истинных причинах изменений.

На коже снова мерзкие руки, вместе с ними хриплый, немного ленивый голос...

Не могу разобрать что он говорит, слишком далеко, в ушах лишь стук собственного сердца.

Ватные ноги больше не держат. Колени подгибаются. Падение смягчает пушистый ковёр. Почему так больно?

Из зала доносятся разговоры. Много. Но им не весело. Боюсь обернуться. Грудь щемит. Хочется закричать. Сжимаю ковёр. Волосы падают, окружая побелевшие ко-

стяжки. Всхлипываю. Теряюсь. Качаю головой. Быстрее. Из стороны в сторону, пытаюсь избавиться от засасывающей пустоты в области сердца.

Это не правда. Не может быть...

Глава 3

2 года назад

POV Кирилл

Я здесь, потому что дома очень тихо, словно все погрузились в спячку до весны. Наступит ли она? Мне это не нравится. Нет бедлама, который вечно привносит сестра. Её самой тоже здесь нет. Я вынужден блуждать в одиночестве.

Ей там плохо. Я точно знаю. Но отец прав: здесь ей будет ещё хуже. Соблазн возвращения к прежним привычкам слишком велик.

Меня шатает. Чертыхаюсь, когда пол качнулся, словно на корабле, и я врезался в стену рукой, предотвращая черепно-мозговую травму. Смешивать было плохой идеей. Тошнота застряла в горле.

На плечо ложится женская рука, напоминая когтистую лапу коршуна.

- Ки-и-и-р, - протяжно хнычет Трисса, - куда ты пропал? Без тебя так скучно.

Оборачиваюсь. Лицо девушки размыто. Это даже хорошо.

- Так иди к своему брату, - фыркаю, раздражённо стряхивая пальцы.

- Не могу, - в голосе снова появляются капризные нотки, которые я ненавижу. – На нём снова повисла *она*.

Она?

Глаза сами шарят по залу, между танцующих одноклассников, выискивая. Не находят.

- Такая прилипала, - продолжает жаловаться Трисса. – Вова говорит, что она всё время звонит ему и пишет, да и в школе её не оторвать, сам ведь видел. – Голос вдруг меняется. – Как думаешь, может, её хорошенько припугнуть? Тогда она отстанет?

Скалюсь. Эта идея приходится мне по душе. Пьяная голова сама рисует картинку.

Девушка пятится в страхе, а я подхожу ближе, словно хищник. Её притворно невинные глаза широко распахиваются, а рука вытягивается вперёд, желая затормозить. Упирается в мою грудь, но не может остановить. Я же хватаю её за шею, едва сжимаю, но этого достаточно, чтобы она забились в агонии.

Тогда она поймёт, что зря появилась в нашей школе. Здесь ей ничего не светит.

Хочется отыгаться на ней. Унять ту боль, что точит изнутри, словно червь сердцевину яблока, оставляя гнить изнутри.

Ненавижу! И её, и ей подобных! Они словно пиявки, присасываются и тянут, тянут, тянут...

И если Вован готов вновь сунуться в эту реку, я же не идиот.

Глаза улавливают движение. Женская тень проскользнула в дверь, вон из зала. словно ищейка беру след, не обращая

на внимания на оклики Триссы. Вестибулярка подводит: пару раз врезаюсь в танцующих. Они возмущаются, но я не сбиваюсь с ритма, двигаясь по пятам. Голова пульсирует, а в груди дребезжит желание сделать больно...

Наши дни

POV Аня

Глаза резко отрываются, сажусь на кровати. Свет яркий. Я забыла закрыть шторы, да и не заметила, как уснула.

Провожу рукой по мокрым щекам.

Чёрт. Опять. Когда это уже кончится?

Прошло уже два года. Неужели так сложно двинуться дальше? Почему я вновь и вновь возвращаюсь в кошмар, который усердно пытаюсь забыть?

Тянусь к телефону. Выключаю будильник. Следом принимаю звонок от мамы.

- Ты проснулась?

- Да, - стараюсь говорить мягче, хотя горло дерёт раздражение.

- Молодец, - выдыхает мама. – Позавтракай плотнее.

- Хорошо, - соглашаюсь, хотя она говорит это изо дня в день. Но я понимаю, что ей это необходимо, заботиться обо мне. После смерти папы, маме отчаянно нужно чувствовать тебя важной и незаменимой. Хотя так всегда и было. Всё же я позволяю выплеснуть на меня весь её запас контроля и удушающей заботы. – Как прошла смена?

- Как обычно бардак, куча экстренных, - вздыхает, затем торопится: - Мне пора бежать. Увидимся вечером.

Я не успеваю ответить, мама уже отключилась. Есть совсем не хотелось: съела печенку и запила её кофе. Бодрости не прибавилось, но хоть головная боль поутихла.

В школу собиралась, скрипя зубами. Глаза не отрывались от рисунка, к которому я так и не притронулась вчера. Да и позавчера. И неделю назад. Творческий ступор. Раньше проблем у меня не было, но идея не идёт.

Остановка. Автобус. Сорок минут тряски, и я на месте. На парковке перед школой начинают останавливаться машины с личными водителями. Быстро прохожу в ворота, чтобы не затоптали.

В здании уже полно народу. Передо мной вновь дилемма. Обойти по отремонтированной лестнице, через спортзал, или же пройти под спортзалом по коридору, выходя к пролёту, на котором вечно толпится самая гадкая компашка.

Смотрю влево на блестящие перила, покрашенную лестницу, от которой веет холодом. Её привели в порядок очень быстро, стирая все следы произошедшего, но пользоваться пока не разрешали. Словно ничего и не было.

Никто не понёс наказание, хотя это явно человеческий фактор. Богатые детишки баловались с огнём. Родители в детстве не научили, что спички не игрушки. Моя теория: кто-то закурил в туалете. Он как раз за этой лестницей.

Выбираю второй вариант, резко развернувшись вправо,

чтобы окунуться с головой в волну неприязненных взглядом, насмешек и унижения.

Но моё место оказалось занято. Отчасти. Смотрю вверх, хотя и так уже слышу знакомые голоса.

- Раз училась в Англии, то думаешь, что можешь теперь задирать нос? – Это стервозина пытается воткнуть свои острые ястребиные когти в жертву. – Но мы ведь помним, почему тебя отправили в ссылку.

Жертва лишь усмехнулась.

- Ну, помни что, если тебе нечем больше заняться. Своя-то жизнь скучная, вот и съешь свой нос, куда не надо.

Моя новая соседка по парте не промах. Хотя вряд ли она ею останется. Ей уже наверняка поставили отдельную парту, чтобы не дай бог не испачкалась.

- Ладно, Трисс, - вставляет свои пять копеек Галетов. – Не будем ссориться в первый же день. Вы вроде бы подруги.

Морщусь. Теперь и сама надеюсь на дополнительную парту.

- Что это за прикид? – не унимается Трисса, игнорируя возможность примирения. – У нас так не ходят.

С этим не поспоришь. В этих стенах моден глянец и социальные сети, в которых можно выставить на всеобщее обозрение шикарную жизнь, получив в ответ волну зависти.

- А мне до лампочки, как у вас тут ходят. Всё равно не задержусь здесь надолго.

- Не смеши, - злыдня прыснула, подпевалы вторили ей, -

куда ты денешься? Разве тебя не выгнали из частной школы?

- А твой ужасный характер терпят только из-за кошелька твоего отца.

Разговор сворачивает в личные дебри, которые абсолютно не касаются меня. Решаю больше не слушать, а прошмыгнуть по-быстрому, авось прокатит. И не заметят. Но план либо изначально был провальным, либо где-то дал сбой.

Именно этот момент соседка выбрала, чтобы закончить *приятное* общение. Я уже была за её спиной, когда она вдруг шагнула напролом, проталкивая себе дорогу. Мне пришлось двинуться по её следу.

Почти выдохнула, оказавшись на последней ступеньке, когда мою косу сильно дёрнули. Хриплый вскрик вырвался из моего рта в ответ на неожиданное жжение, распространившееся по всей голове.

- Что? – удивляется новенькая. Она обернулась, уставилась на меня. Я же схватилась за волосы и тоже повернулась, чтобы увидеть того, кто всё ещё удерживает косу.

- С каких это пор в школу пускают всякий сброд? – Глаза избалованной девчонки широко открылись, а ноздри раздулись от гнева. – Слишком много вас здесь развелось.

- Пусти мои волосы! – Резко выдала, поёжившись от неприятного ощущения у корней.

- С чего ты решила, что можешь мне указывать, нищесбродка? – взвизгнула Трисса.

- Что ты творишь? – Ника встала рядом со мной. – Отпу-

сти её волосы. — Она посмотрела на меня. Я ответила ей шокированным взглядом. Затем пару секунда молчала, что-то обдумывая и рыкнула: - Отпусти, пока я прошу по-хорошему.

- Спелись, значит?

Стерва выпустила косу из своих костлявых граблей. Я шагнула назад. Компания богатых детишек притихла, не шевелясь, наблюдая за столкновением двух титанов.

Даже я поняла, что ожидается борьба за лидерство. Если, конечно, уже не началась. Два гиганта не смогут мирно сосуществовать под одной крышей. Видела, спасибо Годзилле и Конгу.

Смотрю сперва на одну, затем на другую. Кто же победит? Хотя в моем положении это абсолютно неважно. Новенькая тоже недобро косится на меня. А вступилась, только чтобы насолить другой.

- Ты теперь защищаешь нищих и убогих? — Трисс скрещивает руки на груди. — Да, отбросам нужно держаться вместе.

Ника набычилась, двинулась на соперницу.

- Это я-то отброс?

На всякий случай делаю шаг в сторону, не желая попасть под перекрёстный огонь. Мне уже и так досталось. Компашка тоже попятилась, оставляя свою предводительницу в одиночестве.

- Пока меня не было, ты осмелела! Настолько, что забыла, кто я? — Соседка схватила стерву за отвороты пиджака.

– Растопчу тебя и глазом не моргну. Терять мне нечего. Все и так знают, что я – псих!

В это легко верится. Все они здесь больные, у каждого личный психолог. Я много раз слышала их разговоры по FaceTime из кабинки в туалете, куда эти же детки меня и загоняли.

В глазах Триссы мелькнул страх. Лишь на несколько секунд: она быстро пришла в себя, как с гуся вода.

- Твои угрозы всегда ими оставались! – прошипела гусыня. – Да, ты – псих, но ещё и слабачка! Мне напомнить тебе, почему?

- Я покажу тебе слабачку! – рывкнула новенькая, хорошенько встряхивая стерву.

Кто-то чертыхается возле меня, затем толкает в сторону, не заботясь о том, куда денусь в узком проходе, ведь я и так стояла, почти прижавшись к стене. Мои кости убрались с дороги, голова стукнулась о кирпич, покрытый слоем штукатурки и краски.

Характерный звук, словно черепная коробка разбилась как арбуз, затем боль, намекающая на это же. Земля крутанулась под ногами, я плюхнулась на колени. Из слёзных желез выступили капельки, быстро увлажнив глаза.

Никто не обратил внимания. Чем я им не угодила?

Шлейф дорогого одеколona сразу указал на того, кто это сделал. Даже смотреть не обязательно, но я все равно подняла голову.

- Прекрати, - Кирилл обхватил новенькую за талию, оттаскивая от Триссы, - что вы тут устроили?

- Её спроси! – Стерва быстро указала на Нику. – Накинулась на меня и...

- Умолкни, тварь!

Соседка дёрнулась на неё, но мужские руки крепко удерживали.

- Цирк! – Кир крепче обнял девушку, сцепив руки на её груди. Понизил голос, чтобы сказать: – Ты же пообещала. Дома уже надоело? Захотелось вернуться за границу?

Любопытных стало больше. Звонок прозвенел как раз вовремя.

- Расходимся! – приказал парень.

Зрители разочарованно вздохнули, но послушно убрались восвояси. Даже Трисса фыркнула, но развернулась и вошла в спортивный зал, кляца мимо меня каблуками.

Я быстро подобрала руки, чтобы на них не наступили. Голова ещё болела, но мир больше не кружился. Начинаю вставать. Выходит жутко неуклюже. Не получится из меня грациозной цапли, я просто страус.

Как раз в этот момент Ника стряхивает с себя руки Кирилла, смотрит вниз.

- Ты что там делаешь?

- Ничего.

Поднимаюсь на ноги. Стряхиваю пыль с рук, прищурившись на толкнувшего. Он не выглядит виноватым, и изви-

няться, ясное дело, не планирует. Даже наоборот, парень смотрит на меня презрительно, словно обвиняя во всех смертных грехах.

- Это вы из-за *этой* сцепились?

Этой?

Я не ожидала ничего другого, но дыхание все равно спёрло, а горло вдруг онемело.

- С чего бы это? Я её даже не знаю.

- Вчера мы сидели за одной партой, - решила сказать.

- И что? – Губа девушки искривилась. – Кто она? Не видела её раньше.

Закрываю глаза, разочарованно выдыхая. Они все одинаковые. А вопрос обращён не ко мне.

- Никто, - жёстко произносит Кирилл.

Разворачиваюсь. Чтобы не слышать продолжение. Парень, чей голос раз за разом слышу в своих ночных кошмарах, считает меня никем.

Удивляюсь не на шутку, когда Ника опускается на стул возле меня. Она садится вполоборота, чтобы бесстыдно впериться в меня взглядом.

- И все же, - её пальцы нервно постучали по парте, - кто ты?

Указывает на мой телефон, затем утверждает:

- Не богачка.

- Стипендиантка.

Девушка засмеялась, словно я выдала ей шутку. Мои же

брови остались соединёнными где-то над переносицей.

- Да быть не может. – Она поджимает губы. – В этой школе нет стипендиатов. Никогда не было и не будет.

- Но я здесь.

Ника хмыкает, не поверив. Ей пришлось сесть прямо, когда в класс вошёл учитель.

Глава 4

POV Аня

- Как вы все знаете, на следующей неделе у нас в школе состоится пижамная вечеринка с ночёвкой, и поэтому...

Класс загудел, перебивая учителя. Она вздохнула, манерно скрестила руки на груди и прислонилась бедром к столу, словно успела устать.

В общем гуле сложно было что-то расслышать, но я разобрала парочку слов.

- Наконец-то...

- Будет весело...

- Надо подготовиться...

- ... сходить в салон...

Надо ли уточнять, что я не испытала ни грамма счастья и не разделяла с одноклассниками предвкушение праздника. Наоборот. От этой новости нервы сжались в тугой комок. Неужели правда близится этот день? Бросаю взгляд на календарь позади Настасьи Андреевны, хотя и так ясно.

Дата на бумаге становится больше, словно приближается ко мне, желая ударить по лицу. Пощёчина, каждый год напоминающая, что я не смогла защитить себя, что на моей стороне никого нет и не будет. День, когда упали все маски, школа показала себя во всей красе, и я наконец поняла, в каком мире живу.

Безнаказанность.

Беспричинная паника безжалостно поглощала каждую клетку моего организма. Липкое ощущение чужих нежеланных прикосновений скользит под одеждой. Там, где не хочу их чувствовать. Это неправильно.

Он продолжает наслаждаться жизнью, в то время как я мучаюсь страшным ночным мороком, раз за разом переживая ужас и чувствуя бессилие. Невыносимая заикленность.

Знаю симптомы. Не могу допустить приступа панической атаки посреди класса. Я не должна быть ещё более уязвимой. Только не рядом с этими людьми. Сочувствия не дождусь, просто дам им новый повод для насмешек.

Губы задрожали. Прикрываю глаза, делая неспешный вдох и ещё более медленный выдох. Я зачеркну этот день в календаре, забьюсь под одеяло, сожму любимого плюшевого медвежонка и буду в безопасности. Это помогает.

В пульсирующее сознание врывается голос Настасьи Андреевны, решившей, что ученики готовы слушать дальше.

- В этом году контролировать мероприятие будем мы на правах выпускного класса.

- Не-е-е-т, - хором протянули одноклассники. – Почему мы?

- Потому что мы самые старшие. Параллельный класс будет занят тем же.

- Как можно доверить нам? Мы же таки-и-и-е безрассудные.

- А тебе, Галетов, - с лёгкой насмешкой ответила учительница, - никто ничего и не доверят. Я хорошо знакома с уровнем твоей безответственности. — Он улыбнулся от уха и до уха, словно услышал комплимент. — Я выберу несколько человек для помощи, остальные просто должны вести себя подобающе, показывая пример.

Настасья Андреевна начала перечислять фамилии. Услышав свою, ученики либо возмущённо фыркали, либо кровожадно сверкали глазами, уверенные, что их наделили властью.

- Лебедева.

- Что? Я? — охаю. В надежде, что учительница ошиблась, смотрю на неё, но она лишь твёрдо кивает.

- Да, Аня, ты.

Меня вновь накрывает ледяной волной, сметая защитные барьеры. Прижимаю подбородок к груди.

- На сегодня все свободны.

Ученики повскакивали со своих мест, я же осталась сидеть. Настасья Андреевна не удивилась, проводив всех, повернулась ко мне.

- Я не пойду.

- Я уже обсудила это с твоей мамой. Ты должна прийти.

- В прошлом году меня не было.

- Да, - соглашается учитель. — Но в прошлом году наш класс не был назначен смотрителем.

- Они всё равно не будут меня слушать.

- Как и нас.

Настасья Андреевна садится за стол, спокойно открывает свой блокнот.

- Дети обычно не слушают здравый смысл. Особенно когда дело касается развлечений. Сначала делают, лишь потом задумываются.

Прикусываю язык, чтобы не сказать, что я думаю об этих развлечениях богатеньких детишек. Кто вообще придумал эту традиционную пижамную вечеринку? Неужели нельзя просто устроить вакханалию в домашних условиях?

- Это на добровольной основе. Я отказываюсь.

Слегка дрожащей рукой запихиваю учебники в свою сумку, затем встаю.

Учительница взяла ручку, что-то чиркнула в блокноте.

- У тебя нет балов добровольческой деятельности.

Упираюсь в парту.

- Волонтерство? – переспрашиваю.

- Да, - она ещё что-то пишет на полях, не поднимая на меня глаза. – У всех в этой школе есть благотворительные или волонтерские проекты. Это дополнительные баллы, необходимые для поступления в крупные вузы. В твоём портфолио нет отметки.

- Там куча грамот и наград за победы в конкурсах.

- Недостаточно. Если ты не выступишь в конкурсе института искусств, то эти баллы будут необходимы. Тогда ты скажешь мне спасибо.

- Сомневаюсь, - процедила, едва сдерживаясь.

Учитель убирает ручку в сторону, чтобы потереть подушечками пальцев свои виски.

- Эти годы я стараюсь заботиться о тебе. – Она укоризненно качает головой. – Но вместо благодарности получаю неуважение.

- Заботитесь? Как же?

- Все конкурсы, в которых ты принимала участие...

- Я сама их выиграла, сама рисовала.

- Тебя бы не допустили и до половины из них, если бы не я. Это моя заслуга. Я проталкивала тебя, рисковала своим преподавательской репутацией.

- Неправда. – Клацаю зубами. Там, где ещё минуту назад была паника, нарастал праведный гнев. – Вы никогда ничем не рисковали. Вы бы не отправляли мои работы, если бы не были уверены в победе. Вы знали, что я выиграю, а значит это и вам плюс, бонус как преподавателю. Вы не ставили на кон своё насиженное место здесь. Если бы вы были на моей стороне, то не промолчали бы два года назад. И не сделали бы так, чтобы замолчала я.

- Мы уже это обсуждали. Ты не смогла договориться со свидетелем, - затем добавила очень тихо: - если он вообще был.

Не знаю, хотела ли она, чтобы я это услышала, но я это сделала.

- Хотите сказать, что я вру? Обманываю вас?

- Тебе следовало сходить к нашему психологу, как я советовала. Тогда бы ты проработала проблему и спокойно жила дальше.

Дежавю.

Точно также закончился наш разговор два года назад, когда Настасья Андреевна впихнула меня в кабинет школьного психолога. Она гарантировала, что мне станет легче.

Женщина доктор встретила меня с каменным лицом, но услышав рассказ и проблему обращения, не на шутку встревожилась. А испугала её личность виновника. Она выдала парочку дежурных фраз и выпроводила меня из своей обители.

После столь радужной *профессиональной* помощи у меня больше не возникало даже мысли с кем-то поделиться. Я твёрдо решила справиться самостоятельно. И я делаю это до сих пор.

Дверь открылась. Наши с учителем головы повернулись. В проёме показалась тёмная, подстриженная голова, а затем и всё тело моей соседки по парте, которую я сегодня не видела.

Она прищурилась, заметив нас, и, наверняка, почувствовала напряжение в классе. Её глаза остановились на меня. Мои щёки горели. Я учащённо дышала.

- Ника, не ожидала вас сегодня увидеть, - как ни в чём не бывало, переключилась Настасья Андреевна. Она указала на пустые парты. – Вы можете заметить, уроки кончались.

- Пф, - девушка лишь закатила глаза, - да и ладно. Не боль-

но и хотелось.

- Аня, мы закончили. Идите.

- Но...

- Я останусь при своём мнении, и вы должны будете помочь своим одноклассникам в выходные. Это очень важно. До свидания. А вы, Вероника, проходите, нам нужно кое-что обсудить. – Новенькая брезгливо сморщилась. – В противном случае я буду вынуждена связаться с вашими родителями.

Прогуливающая соседка равнодушно пожала плечами, но всё же послушно прошла к столу учителя. Я же двинулась к выходу, опустив глаза в пол и стиснув зубы, отчаянно сдерживаясь, чтобы не пнуть стул, выплёскивая гнев.

Папа всегда смеялся, что когда я злюсь, похожа на красную птичку из мультика «Angry birds», только вместо чёрных у меня густые русые брови, под естественный цвет моих волос, а вот кожа сразу краснеет.

Воспоминание не вовремя и не к месту, от которого сердце сдавила когтистая кошачья лапа.

Он смог бы меня защитить. Он был стеной, ограждающей нас с мамой; скалой, о которую разбивались волны; дамбой, не дающей затопить наш мир. Без него всё рухнуло. И я не понимала, как собрать воедино конструктор нашей жизни.

Глава 5

POV Аня

Мне не удалось избежать этой ночи. Я не знала, как объяснить маме своё нежелание. Не смогла прикинуться больной. Родительница сразу бы раскусила мой обман. Проверено годами безуспешных попыток. Это жирный минус того, что в семье медицинский работник.

Я притаилась в углу зала, поближе к выходу на случай чрезвычайной ситуации, молча и бесстрастно наблюдая за хаосом. Ученикам явно нравилось это мероприятие. Углы зала были завалены неразобранными спальными мешками, а в центре школьники с девятого по одиннадцатый класс прыгали под музыку. Уже изрядно выпившие.

Достаю телефон, чтобы посмотреть на время. Двадцать два часа. До отбоя ещё далеко. Многие вообще не лягут спать, чтобы не потерять ни минуты драгоценного времени.

Два года назад я считала также. Тогда мне казалось, что я очутилась за границей, где всё вокруг неизвестное и интересное. Верила, что это новое начало.

Соберу золу и пепел, смешаю с водой и построю замок, похожий на те, что возводят на пляже из песка. Но мой замок смыло раньше, чем наступил прилив.

Дождь.

Слёзы.

Я не ходила с другими учениками по кабинетам, не проверяла тёмные закоулки, выискивая алкогольные заначки и уединившиеся парочки. Не собиралась быть причастной к этому. Не хотела найти то, что вновь вывернет нутро. Тем более что вряд ли смогу помочь.

Страх.

Я просто боюсь.

- Видела Громову? – Две незнакомых мне девчонки сядут рядом со мной, но не замечают моего присутствия.

- Нет. А что с ней?

Они говорят громко, чтобы перекричать музыку. Не раскрываю своё местонахождение, решив, что сами уйдут, когда надоест трепаться и сплетничать.

- Напилась до поехавшей крыши. Маму родную не узнает.

- Фу, - девчонка пригубила что-то из бутылки. Вряд ли это безалкогольная газировка. – Трисс права, её точно скоро опять выгонят.

Понимаю, о ком они говорят. Хмурюсь, теперь уже сама прислушиваясь.

- Думаю, да. Ведёт себя как шпана какая-то. Даже и не скажешь, что из такой семьи.

- Кир долго не сможет её выгораживать. Ещё парочка прогулов, и будет паковать чемодан.

- Как думаешь, в какую страну её отправят на этот раз?

Дурочки захихикали. Но быстро заткнулись, когда в центр зала ввалилась шатающаяся соседка по парте. На ней откры-

венный топ с одной широкой бретелькой, школьная юбка и полуботинки на тракторной подошве.

Сплетницы были правы: она от души залила в себя алкоголь, не жалея ни напитка, ни своего тела. Клише сработало против неё: поведение не удивляет.

Девушка пытается танцевать, но её бросает из стороны в сторону, кружит, расталкивая развлекающуюся молодёжь. Они тоже не особо трезвые, поэтому выглядит это как боулинг, где один шар опрокидывает десять кеглей.

С пункта моего наблюдения картина выглядит удручающе. До определённого момента. Затем становится хуже.

Ника ненароком задевает очередного парня. Тот оборачивается, видит перед собой красивую, изрядно подвыпившую девушку. Вместо того чтобы отскочить, как это делали другие, он двигается на неё. Вытягивает руки, ловит её за талию, прижимает к себе.

Новенькая противится вниманию. Она пытается отмахнуться, рот шевелится: что-то возмущённо говорит. Ника бьёт парня по плечам, отталкивая. Он отшатнулся, но вновь навалился на неё.

Морщусь, наблюдая за неприятной картиной. В надежде посмотрю на учеников вокруг них. Никто не поможет? Не замечают или попросту игнорируют.

Нервно потираю шею, затем подхватываю ногтем большого пальца ранку на губе, чтобы порвать тонкую кожу. Закусываю губами, чувствую привкус крови. Тяну выше и давлю

сильнее, чтобы вкуса стало больше.

Объятия становятся нахальнее. Попытки освободиться - интенсивнее. Девушке не нравится, что её лапают, но парень сильнее, да и опьянение не в пользу слабого пола.

Я не должна вмешиваться. Меня никто не просил о помощи, да и спасибо не скажут, ещё оставят виноватой. Но ноги сами выпрямляются, отрывая зад от стула. Выхожу из укрытия.

- Отвали от меня! – Ника уворачивается от попытки её поцеловать.

- Да ладно, - смеётся парень, - тебе понравится.

Резко выдыхаю, услышав. Живот скручивает. Мерзко и... знакомо до дрожи. Ей *уже* не нравится, так как может понравиться дальше?

- Отойди от неё. – Стукаю парня по плечу. Реакции не последовало. Бью что есть силы. – Отойди!

Он поднимает голову, оборачивается. Недовольно шикает.

- Ты кто такая?

- Подруга, - вру.

- Не лезь, подруга.

На близком расстоянии он выглядит гадко. Глаза странно затуманены, а сальный взгляд опускается по мне, отчего волоски на теле зашевелились. Приглядываюсь, но не могу сказать, что видела его в школе.

- Убери от неё свои руки.

Ника трепыхается, но вяло, словно вот-вот уснёт прямо посреди зала. Этого ещё не хватало.

- А то что? – издевается обкуренный, не иначе.

Достаю телефон, махаю перед его лицом.

- А то я позову охрану. Они вызовут полицию. Ты здесь не учишься – значит, быть не должен. Не знаю, кто тебя привёл, но это закрытая школа и вечеринка. Ещё ты под наркотой. Думаю, у тебя в кармане есть парочка улик.

Парень ругается, но соседку выпускает из рук. Он шагнул на меня. Я быстро отскочила в сторону.

- Один звонок, и ты за решёткой! Лучше уходи сам.

В затуманенном мозгу что-то шевельнулось. Он зло глянул на меня, пошевелил губами, затем поспешил к выходу.

Я выдохнула, повернулась к Нике. Она покачивалась, словно по залу гулял штормовой ветер.

- Ты в порядке? – обращаюсь к ней, но получаю лишь нефокусированный взгляд. – Пойдём.

Подхватываю её, затем веду несопротивляющуюся девушку в сторону импровизированных спален.

Самые широкие классы расчистили для большого количества спальных мешков. Я не знаю, в каком из них расположилась Ника, и сделала ли она это вообще. Поэтому веду в ближайший женский класс.

Опускаю на запасной мешок – школа подготовила их на всякий случай. Моего нет, так как я не собираюсь здесь ночевать. Когда вечеринка начнёт закругляться, вызову такси

и уеду домой.

Ника сразу заснула. Я укрыла её, сама же примостилась на краешке чьего-то ложе. Мне надо вернуться в зал, но не могу же я оставить девушку одну в бессознательном состоянии. Пусть мы не подружки, да и вообще едва знакомы.

Вздыхаю, отчего плечи поднимаются и опускаются. Сутулюсь, глядя на безмятежно сопящую новенькую. Кто как не я, понимает, к чему это может привести.

Музыка гроыхает на всю школу. В зале может быть ещё парочка обдолбанных незнакомцев, да и знакомство зачистую неважно. Обидеть могут и те, кому доверяешь. По статистике таких случаев гораздо больше, чем, например, если на тебя нападут на улице.

Прижимаю колени к груди, опускаю на них голову. Надеюсь, что сегодня я помогла хотя бы одной девушке это избежать. Как помогли мне, пусть даже это было ненамеренно.

Ника что-то проворчала во сне, мило потёрла нос указательным пальцем. У неё очень выразительное лицо. Я достала блокнот и простой карандаш. Несколько движений, набросок лёг на белую бумагу. Заштриховываю. Достая клячку, играю со светом и тенью. Ухмыляюсь. Неплохо.

- Какого хрена?

Вздрагиваю, крикнув и выронив принадлежности для рисования. Задираю голову. Надо мной склонился Кирилл. Отшатываюсь, плюхаюсь на попу, чтобы оказаться подальше.

- Что с ней?

Подбираюсь свои вещи, запихиваю в сумку.

- Она спит.

- А ты что делаешь?

Быстро поднимаюсь на ноги, откидываю длинную косу за спину, готовясь защищаться от неожиданного и нежеланного гостя.

- Это женская спальня, - киваю на яркие спальники.

Мой ответ раздражает его. Губы парня кривятся.

- И решила здесь посидеть, пока Ника спит?

Смотрю на девушку. Знаю, что они хорошо знакомы. Но это не повод ему быть здесь.

- Она много выпила и отключилась. Я слежу, чтобы с ней ничего не случилось. А ты не должен сюда входить.

- Вздумала командовать? Понимаешь, с кем разговариваешь?

Я знаю наверняка. Руки похолодели, а во рту пересохло от глаз, наполненных презрением. В моём ответном взгляде легко можно прочитать отвращения. Абсолютно точно помню, кто передо мной. Даже если ослепну и пропадёт обоняние, узнаю голос. Страх уже обволакивает моё тело, медленно и ощутимо парализуя.

- Да и что за бред про защиту? От кого ты её охраняешь? Ты что, сторожевая собака? Никто здесь её не тронет.

- Ты же здесь. – Выдавливаю сквозь зубы, хотя живот стягивает. – Хотя и не должен.

- Я уж точно её не обижу.

Этому парню я доверяю ничуть не больше, чем тому обкуренному идиоту. Двигаюсь, пока не передумала, закрывая собой спящую девушку.

- Вот и уходи.

- Слушай, ты... - Напрягаюсь, когда мужская рука тянется ко мне. Может, он хочет оттолкнуть меня с дороги. Может, сделать больно, чтобы сама убежала. От него можно ожидать что угодно. Но Кирилл замирает, глядя в мои испуганные глаза. Рука опускается, а во взгляде появляется интерес. – Вы ведь с ней даже не знакомы, зачем тебе её караулить?

- Мы соседки по парте.

- Не смейся.

Кирилл оглядывается, примечая какие-то детали. Хмурюсь, стараясь понять, что он так тщательно высматривает.

- Может, ты здесь чем-то другим занимаешься?

Удивляюсь.

- Чем же?

- Дай мне свою сумку, я проверю, нет ли там чего лишнего.

Лишнего? Воздух покидает лёгкие слишком стремительно. Я отпрянула, словно получила удар.

- Ты меня воровкой назвал? – Голос дрогнул, просачиваясь сквозь онемевшие губы.

Глаза увлажнились. Отворачиваюсь, чтобы он не увидел проступающие слёзы.

В этих стенах меня оскорбляли и унижали по-разному. Но этот человек превзошёл всех. Ненависть стучит наравне

с сердцем. Хрипы рвутся из груди.

Вместо того чтобы поддаться желанию сжаться, убежать, чтобы наедине с собой столкнуться с последствиями, хватаю сумку, поворачиваюсь, швыряю её в Кирилла.

- На! Проверь и свали отсюда!

Парень рефлекторно ловит мою сумку, но затем брезгливо кидает её на пол. Глухой стук книжек заставляет Нику вздрогнуть.

- Я никуда не пойду. – Он отряхивает руки о свои джинсы, словно успел их замарать. Какой же урод. – Это ты исчезни. Я сам позабочусь о своей сестре.

- Сестре? – Сбита с толку, но через секунду до меня доходит.

Как учитель назвал её фамилию?

Громова.

Зажмуриваюсь до звёздочек.

Чёрт возьми.

Теперь сцена, которой я недавно стала свидетелем, приобрела смысл. Смотрю на новенькую. Да и сходство между ними кажется очевидным. Качаю головой. Теперь это точно не моё дело.

Кирилл больше ничего не говорит, он опускается на корточки перед сестрой. Я тоже молча поднимаю сумку, попутно собрав вывалившиеся карандаши и ручки, затем выхожу, оставляя их наедине.

Глава 6

POV Кирилл

- Ника, - зову я сестру, когда мы остались одни в классе. По всему полу раскиданы спальные мешки в самой разной цветовой палитре. Не знал, что такие бывают, хотя уже давно ничему не удивляюсь. Сегодняшний случай не в счёт. – Ника, какого хрена, а?

Двойняшка что-то пробубнила в ответ, затем развернулась, чтобы я не видел её бесстыжее, пьяное лицо. Мне бы отвезти её домой. Это не сложно. Надо просто вызвать такси, загрузить в него бессознательное тело, и через полчаса мы дома.

Но я этого не делаю. И на это есть только одна причина – отец. Если Ника появится в таком виде перед родителями, папа озверееет. Сестра уже и без того переполнила чашу его терпения. Мы договорились совсем о другом, когда я заступился за неё, взял ответственность на себя.

- Хватит меня подставлять, - укоряю я девушку, зная, что она меня не слышит. Она игнорирует меня и будучи трезвой. Я мог представить, что творилось в её душе два года назад. Обманутая. Преданная.

Я искренне надеялся, что время и смена обстановки помогут ей. Очевидно, просчитался.

Вот самый близкий человек снова дома, и вновь творит

несусветную дичь. Ещё и с *этой* связалась.

Мысли невольно движутся в сторону удалившейся ученицы. Не знаю, как её зовут, да и не хочу знать. Чем она здесь вообще занималась?

Смотрю на пол, где только что валялась старая дешёвая сумка. Надо было всё же её осмотреть, тогда бы не терялся в догадках. Чуть в стороне валялся чёрный блокнот. Протягиваю руку, но не касаюсь. Слишком брезгливый. Заминка длится меньше минуты. Любопытство побеждает.

Открываю. Брови поднимаются от удивления. Этого я точно не ожидал увидеть. Думал, что здесь глупые девчачьи стишки или сворованные цитаты из пабликов Вконтакте. Но вместо этого страницы украшены графическими набросками.

Старушка, кормящая голубей в сквере; пухлощёкий малыш с одним верхним зубом мусолит сушку; девушка танцует на импровизированной сцене в парке; врач в маске сосредоточенно смотрит в журнал...

Листаю блокнот, уже не думая о том, что испачкаю пальцы. Задерживаюсь на странном рисунке, выделяющемся из общей картины.

Знакомое место.

Это что, лестница?

Но она сейчас выглядит явно не так.

Подношу ближе к глазам, разглядывая детали.

Странная игра света. В тех местах, где он должен быть,

его явно не хватает. Нет солнечных бликов. Лестница словно почернела и ссохлась. Стены вокруг тоже кажутся слишком тёмными, в разводах. Как если бы...

Осознание бьёт в висок.

Пожар.

Пострадавшее крыло школы.

Тот вечер был больше похож на ад. Удушающий дым. Давка. Панические крики. С трудом вспоминаю, как оказался на улице. В себя пришёл только вдохнув свежесть утра.

Горло запершило, как тогда. Глотаю слюну, чтобы увлажнить. Захлопываю диковинный предмет.

Если задуматься, то девчонка появилась в школе как раз после пожара. Никто не может ответить, как она очутилась здесь, как её приняли, кто платит за обучение. Трисс считает, что она незаконнорождённая дочь какого-то бизнесмена, скрывающего связь.

Другой идеи нет. В гимназии никогда не занимались подобной благотворительностью. Главная странность в том, что даже родители отмалчиваются, не считая нужным обсуждать это на собрании попечительского совета. А уж они-то не хотят, чтобы их драгоценные наследники контактировали с простыми смертными. Я поддерживаю. Мышление бедняка и всё такое. К тому же сестра – главное доказательство пагубности подобных отношений.

Ника спит. Вечеринка закруглится не раньше утра. Пролистываю страницу своей соцсети. Быстро становится скуч-

но. Вспоминаю, что не досмотрел рисунки. Листаю, останавливаясь на последнем. Знакомые черты лица настолько хорошо перенесены на бумагу, что я ненароком признаю, что у девчонки талант.

Это, конечно, хоть и плюсует её личности, но не исключает меркантильности натуры. Сколько бы её не шпыняли, она упрямо остаётся здесь, не отчаявшись найти богатого идиота, которого можно будет раскручивать.

В отличие от остальных парней в школе, я не дурак. Все они сразу попали под её псевдо невинное очарование. Сирена заманивала в свои невидимые силки. Подойди достаточно близко – больше никогда не всплывёшь.

Пришлось постараться, чтобы открыть парням глаза на корыстные стремления новенькой. А иначе для чего она находится там, где ей не рады?

Каким бы богатым не был её папаша, с дочкой он не делился благами. Желание выбраться из своего болота за счёт другого – древняя история, как и профессия таких вот искалеченных. Уверен, она выбрала новую жертву. В этот раз решив сыграть на других нотах. Не позволю втянуть в это мою сестрёнку.

Не закрываю блокнот, вглядываюсь в портрет сестры. Не слежу за временем, но пыл за дверью стал убавляться. Уже не раз доносились голоса учителей, призывающих разойтись по классам.

Ника вовремя зашевелилась. Её глаза сперва едва при-

открылись, затем заморгали, словно смахивая невидимую плёнку, не дающую ясно видеть.

- Кир? – Её голос скрипучий, словно несмазанные петли старой двери. - Что ты тут делаешь?

- Это ты мне скажи, что ты здесь устроила? Сколько ты выпила?

- Не начинай, - морщится. – Мне хватает маминого нытья и папиных нравоучений.

Она садится, хватаясь за голову, оглядываясь.

- Как я здесь оказалась?

- Не помнишь? – Меня это не удивляет.

Ник пожимает плечами, а я устало предлагаю:

- Поехали домой.

Помогаю подняться, придерживаю за плечи, выводя из класса. Останавливаюсь у мусорного ведра. Нажимаю носком ботинка на педаль, чтобы открыть, затем швыряю в него чёрный блокнот. Несмотря на своё состояние, сестра замечает.

- Эй, что это?

- Неважно. Идём.

- Погоди.

Ника смахивает мою руку. Бог знает, каких усилий ей это стоило, садится. Но вот она уже достала блокнот из мусорки. Благо кристально чистой.

Сестра отрывает и, так же как и я, изумлённо листает. Слишком вымотан, чтобы остановить её.

- Зачем ты это выбросил? Так красиво. Ух ты, это что, я? – Он запрокидывает голову, отчего теряет равновесие и плюхается на задницу. Я шумно вздыхаю. Тянусь к ней, то ли чтобы поднять сестру, то ли чтобы забрать блокнот. Она не позволяет сделать ни того, ни другого. – Это явно не твоё. Чьё?

Сдвигаю брови, не собираясь выявлять владельца.

- погоди, эта штука мне знакома... – Ник закусываю нижнюю губу, как всегда делает при попытке мозгового штурма. – Это же моей соседки по парте. Как там её зовут? – Сестра хмыкает. – Моя спасительница.

- Чего? – Брови прижимаются друг к другу ещё теснее.

- Ай, - Ник отмахивается, - какой-то урод пристал ко мне на танцполе. Не наш. Залётный. Так она припугнула его и меня сюда привела. Точно. Вспомнила.

Неожиданно.

- И я видела, как она рисовала на уроках. Как её зовут?

- Понятия не имею.

В голове вертятся имена, но я не знаю точно, какое из них принадлежит ей. Неважно.

- Зачем выбрасывать то, что не твоё? Она, наверное, потеряла. Я верну ей.

Недовольно выдыхаю через нос. Ещё чего не хватало.

- Держись от неё подальше. – Поднимаю Ник на ноги. Я ненамного её выше, но точно шире в плечах. Нависаю над ней. - Усекла? Я не шучу.

Двойняшка не испугалась. Даже глазом не моргнула. Зараза знает, что я никогда не наврежу ей ни словом, ни делом.

- Зуб на неё? – лишь хмыкает. - В чём же она перед вами провинилась, а?

- Не притворяйся матерью Терезой. Тебе своих проблем мало? Так отец добавит, если мы не придём ночевать.

Ухмылка исчезает, Ник позволила мне её увести, но блокнот всё же зажала подмышкой. Что ж, придётся внимательно ее последить за внезапно возникшей связью.

Глава 7

POV Аня

Вновь блуждаю по коридорам. Не могу найти нужный. Словно лабиринте.

Я слышу голос, иду на него, хотя всё тело протестует. Он не желает мне добра.

*Где-то вдалеке плачь мамы, переходящий в вой. Съёжис-
ваюсь от страха. Руки холодные. Подношу к лицу, дышу на
них, чтобы согреть. Не получается. Из рта не идёт пар:
тело охладело.*

*Но уже в следующую секунду мне становится невыноси-
мо жарко, а щёки мокрые от слёз. Мужская рука закрыва-
ет мой рот, чтобы не кричала.*

Меня лихорадит.

Руки причиняют боль.

Мотаю головой. Быстро. Ещё быстрее.

*Оседаю на пол, бьюсь затылком о стену. Рваные вдохи.
Хрипы.*

Оглядываюсь. Никого.

- Ты никто, и звать тебя никак...

*Мама плачет. К ней добавляется ещё один отчаянный
всхлип, только осознавший трагедию. В груди больно и пе-
чёт. Постоянно. Кладу руку на горло, будто это поможет
угаснуть.*

Бесполезно. Я уже пыталась. Бессчётное количество раз. Закрываю глаза, потому что не могу больше терпеть. Хочу, чтобы это прекратилось. Хочу остановить. Но противный голос хрипит:

- Тебе понравится...

- Почему ты до сих пор ничего не нарисовала?

Резко открываю глаза, очнувшись.

Я сижу перед мольбертом в классе для живописи. Передо мной пустой холст. Даже краску не набрала. В руке завис карандаш. Позади меня остановилась учительница, желая взглянуть на результаты моего *упорного* труда.

Утро выдалось тоскливым и безрадостным, таким же, как и выходные. Ледяной дождь зарядил со вчерашнего вечера и не отпустил до сих пор. Настроение он не прибавлял. Я словно погрузилась в тягучее уныние. Как жвачку невозможно вытащить из волос, так и мне сложно выбраться из этого состояния.

Ещё блокнот свой потеряла. Видимо, он выпал из сумки во время перепалки с Кириллом. Сегодня я уже проникла в класс, где проходила ночёвка, но ожидаемо ничего не обнаружила.

- Ты даже не нарисовала эскиз?

Моё молчание Настасья Андреевна принимает за согласие. Правдиво.

- Ты понимаешь, насколько это важно? Я поручилась за

тебя.

Учитель вздыхает, огорчившись. Но я не чувствую себя виноватой, ведь никогда не просила её делать на меня ставку, о чём неоднократно сообщала.

- Что тебе мешает?

- Мне надоело, - прямо заявляю.

- Надоело рисовать? – Учитель обходит меня, подозрительно прищуривается, сканируя моё бледное лицо с огромными чёрными кругами под глазами. – Нужен перерыв? Или ты уже не хочешь учиться дальше? Ты понимаешь, какие перспективы перед тобой откроются, если поступишь?

Кончено, понимала. Дурой я была раньше. Но раз смогла переступить через себя, гордость, страх, так почему просто не завершить путь?

Проблема не в том, что я не хочу. Каждый день вот уже месяц я пытаюсь изобразить хоть что-то стоящее. Зарисовываю всё подряд в надежде на мимолётное вдохновение. Но его нет.

В моей жизни больше нет радости. Солнце давно скрылось за горизонтом. А изображать боль я устала. Погружаться в неё вновь и вновь становится всё легче, а всплывать – сложнее. Я вымотана нежеланием всплывать на поверхность.

- Хорошо, - Настасья Андреевна решает не давить на меня, один бог знает по какой причине. – Я дам тебе время до конца месяца. Но потом тебе придётся плотно засесть за работу. Краска не будет успевать подсыхать.

Оптимистично до скрипа зубов.

- Так и знала, что найду тебя здесь.

Я задумалась и не заметила, как открылась дверь позади меня, и в аудиторию кто-то вошёл. Лишь услышав женский голос, поняла, что больше не в одиночестве.

Лёгкие шаги двинулись ко мне, останавливаясь за моей спиной. Девушка наклоняется, и голова с короткими волосами появляется в моём поле зрения.

- Творческие муки?

Я уже поняла, что гостя - это Ника Громова, моя соседка по парте, которая снова забивает на уроки. Завидно, ведь не могу позволить себе подобное поведение. Даже сейчас, после ухода учителя, продолжаю сидеть, уставившись в пустующее полотно, как круглая неудачница.

Ника проходит по классу, оглядывается, осматривая помещение. Её лицо немного бледнеет, но недостаточно, чтобы считать это проблемой.

- Здесь теперь всё по-другому, - отстранённо говорит она, продолжая сканировать класс живописи. Я не поняла, что значит эта фраза. Может, соседка сравнивает со своей школой за границей? Там точно всё иначе.

Ника встряхивает головой, словно пытается избавиться от наваждения, затем возвращается за мою спину.

- Зачем ты меня искала? – становится любопытно. Опускаю карандаш на мольберт, затем оборачиваюсь.

- Хотела поблагодарить свою спасительницу. – Девушка хитро улыбается, двигая бровями. – И кое-что вернуть.

- Спасительницу? – переспрашиваю, просто чтобы уточнить.

- Ага, я, конечно, изрядно поднапилась на вечеринке, но всё помню. Это ж ты спасла меня от приставучего типа на танцполе.

Качаю головой, как бы говоря, что ничего такого не сделала. Но Ника хлопает меня по плечу.

- Спасибо.

Чувствую себя ещё более неуютно в её обществе, чем раньше. Последствие того, что теперь знаю, чья она сестра.

- Не за что.

Поднимаюсь со стула, стягиваю сумку со спинки, перекидываю через плечо.

- Вот, это ведь твоё?

Мои глаза расширяются, когда соседка протягивает мой блокнот.

- Где ты его нашла?

- Он был у меня все выходные. Нашёл его Кир. – Новенькая нахмурилась, словно что-то припомнила. Но быстро вернула себе непринуждённую улыбку. - Я у него отобрала.

С опаской беру блокнот из её рук, ожидая подвоха в любую секунду. Ничего не происходит.

- Очень красивые рисунки. У тебя талант.

Часто такое слышу, в том числе от незнакомых людей,

нечаянных свидетелей моего творчества, и от судей, выносящих вердикт моим работам. Но до сих пор не научилась реагировать. Это всегда вызывает только смущение. А слышать комплимент от кого-то с фамилией *Громова* вдвойне неловко и нереально.

- Ты правда его сестра?

Девушка хрюкает, засмеявшись.

- К сожалению, да. Я его двойняшка.

- Ох...

Ника разразилась смехом вперемешку с хрюканьем. Выглядело это неоднозначно, но искренне. Не думаю, что другой ученик данной школы позволил бы себе такое. Это подкупает.

- «Ох» вместо тысячи слов, - выдавила соседка, когда смогла перейти на человеческий язык общения. Она внезапно стала серьёзной, пугая своей непоследовательностью: - Что у вас за отношения с моим братцем?

- Никаких.

Я напряглась. Ника заметила.

- Точно? Что-то не похоже.

- Уверена, что он даже имени моего не знает.

- Возможно, - соглашается девушка, закусывая губу. – Но отношение у Кира к тебе вполне определённое. Чем же ты его разозлила? Ты правда степендиатка? Или слухи о богатом папаше ходят не просто так?

Едко усмехаюсь. Брат и сестра. Теперь вижу сходство.

- Я не знаю твоего брата. И ничего не сделала, чтобы кого-то там разозлить, - возмущённо выдыхаю. – Вообще никого не трогаю в этой проклятой школе. Так чего вам всем от меня надо?

Моя жизнь больше похожа на барахтанье измождённого тела на тонкой щепке посреди открытого моря. Периодически меня накрывает волнами, заставляя бултыхаться на поверхности, захлёбываясь противной солёной водой и уворачиваясь от хищников, стремящихся меня проглотить. Суши не видать. Надежды на неожиданное спасение - тоже.

Сейчас же на дне ожил подводный вулкан. Он выбросил первый поток лавы, моментально согревая глубины, отчего грудь обожгло паром. Лицо запылало в гневе. Не промолчу, позволяя обижать мою семью.

Сжимаю блокнот до тех пор, пока острый угол не впился в кожу. Больно. Если убрать, то можно заметить вмятину.

- Мой отец мёртв, - отчеканила я, - и он был героем. А здесь я по *милости* городских властей и ваших родителей. Благотворительный проект. Вы ведь все такие *добрые и сострадательные*, пока дело не касается ваших же преступлений...

Голос оборвался. Я замолчала, понимая, что вышла на тему, затрагивать которую было бессмысленно и одновременно опасно.

Ника уставилась на меня, удивлённо хлопая ресницами. Серёжка дрогнула вместе с губой. Она открыла рот, чтобы

ответить, но слушать я не собиралась.

Хватаю сумку свободной рукой, вылетаю из кабинета, сразу же сталкиваюсь с преградой, словно из неоткуда выросшей стеной.

Поднимаю голову, чтобы напороться на удивлённый взгляд зелёных глаз. Удивление быстро сменяется презрением. Кир не двигается с места, когда я поспешно пытаюсь его обойти, не замечая, что позади него остановилась вся шайка-лейка, во главе с королевой.

Задеваю её сумкой, отчего она возмущённо вскрикивает, затем толкает меня. С трудом остаюсь на своих двоих, но в спешке незакрытая сумка падает на пол, извергая содержимое.

Гуашь, ручки, кисточки, клячки, ключи, заколки для волос. Степлер и щипцы для натяжки холста ударяются о кафель и со звоном улетают дальше по коридору.

Если до этого на нас ещё не все смотрели, то теперь палилась почти вся школа, вышедшая в коридор на перемену.

Тут же опускаюсь на корточки, начинаю собирать свои вещи, не разбирая, запикиваю в сумку.

- Чёртова курица! – негодует Трисса. – Своим вонючим нищербродским мешком тронула меня! Да я теперь не отмоюсь!

- Она же случайно, - неожиданно заступается за меня соседка. Поднимаю голову как раз в тот момент, когда за это девушка получает предупреждающий взгляд от своего брата.

- Жизнь тебя ничему не научила! – почти взвизгнула стервозная королевская особа, но уже не на меня. – Опять за убогих цепляешься?

Ника угрожающе зарычала, словно собиралась накинуться на девушку с длинным языком.

- Ника, - одёрнул её Кир. – Трисса, прекращай.

- Что? – Она сложила руки на груди, переведя пальцем с меня на новенькую. – Это они виноваты в том, что Вове пришлось уйти!

Меня будто током ударило, когда имя зависло в воздухе. Оно бросилось на меня, подобно клейму, навсегда отпечатываясь ожогом в груди.

- Твой братец сам во всём виноват! Он сам выбирал!

- Так же, как и ты! – Стрева топает каблуком.

- Ещё слово, - предупреждает Кир, - и у нас повторится разговор. Забыла, о чём мы договорились?

Трисса бледнеет, уже не такая смелая и агрессивная. Ника прищуривается, когда она пинает мой карандаш.

- А с тобой я разберусь позже. У тебя нет защиты.

Слюна во рту вдруг становится тягучей. Хочется залить в горло бочку воды. И даже тогда бы его не смочила.

Я знаю, что она сестра Вовы, и, возможно, знает обо всём. Но как я уже говорила, эти люди строят из себя добродетелей, только пока дело не касается выгоды для них. Тогда они готовы удавить любого. Стерва взялась за меня сразу после случившегося, обвиняя во всём, словно я вовсе не жертва.

Да и отправили его в ссылку не из-за меня.

Чувствую на себе тяжёлый взгляд. Перевожу на него глаза, наполненные ответной неприязнью. Сухость превращается в горечь, разъедающую слизистую оболочку.

Кир гораздо хуже.

Знание. Бездействие. Соккрытие преступления.

От лютой ненависти спасает лишь голос, завершающий кошмар, но отрывающий новую дверь в мир холодного страха, слепой паники и тихой обречённости.

Через год я стану свободной от этой школы. Но моя клетка не откроется. Я навсегда застряну в мороке, разрывающем душу на мелкие куски.

Я никогда не буду услышана. А *он* никогда не будет наказан.

Глава 8

POV Аня

Всегда считала урок физкультуры самым бесполезным из всей школьной программы. Никогда не понимала смысла два раза в неделю по сорок минут делать вид, что ты спортсмен. Кто хочет, тот занимается спортом профессионально, а не пыжится на матах и в прыжках через козла. А ещё не понимала, как можно оценивать человека по нормативам. Кто их вообще придумал? Мои ноги недостаточно длинные, чтобы преодолевать прыжки в высоту. Ещё ненавижу бег.

В нашей школе нет обычного спортзала. Лишь гимнастический зал на втором этаже, разделяющий школу напополам. Он же тот, в котором проводятся различные концерты, выступления, выставки, вечеринки и много чего ещё. Для спортсменов предусмотрены профессиональные секции в специально отведённых зданиях. И тем, кому это не нужно, туда не ходят. Логично.

Раз нет зала, то и урок называется иначе. Ритмика. Нас учат танцевать, чтобы не ударить в грязь лицом на всяких привилегированных тусовках. Понятия не имею, чем они там занимаются. Может быть, даже танцуют.

Два года мне удачно удавалось избегать эти уроки. Настасья Андреевна вместе со своей подругой, беспомощным психологом, огородили меня от тесного контакта с любым пред-

ставителем противоположного пола. Но в этом году всё иначе. Выпускной класс. Вальс перед нашими родителями. Я не хотела расстраивать маму, ожидая в стороне.

Вот я здесь. Совместный урок с параллельным классом. В спортивной форме, с собранными волосами в привычную косу, а рядом моя соседка по парте. Она же не удосужилась переодеться. Смотрела по сторонам высокомерно и брезгливо. Но почему-то продолжала стоять возле меня. Словно моё присутствие ей было легче переносить, чем остальных восемнадцати человек. Хотя нет, сейчас здесь только семнадцать. Её брат решил, что он выше данного мероприятия.

А вот Трисса со своими подпевалами хоть и опоздали, но, странно хихикая и оглядываясь на меня, заняли свои места в самом центре, оставив меня на задворках. И нет, я не жалуюсь.

- Хочешь поспорим, что нам не достанется партнёра?

Тихо хмыкаю. Думаю, она права. На мой счёт даже не стала бы делать ставку. Ко мне вряд ли кто-то подойдёт. Хотя дам и кавалеров как раз должно быть поровну, если посчитать неявившегося.

- Вон те двоя, - Ника указала на парней в обтягивающих трико, - лучше станцуют друг с другом.

Не могу сдержать смешок. Девушка отвечает тем же, посмотрев на меня по-дружески. Я стушевалась, боясь понять неправильно.

- Так! – Маргарита Семёновна, мастер спорта по бальным

танцам на пенсии, хоть и достаточно молодая, хлопнула в ладоши. – Давайте начнём с разминки.

Высокая стройная женщина с туго стянутыми волосами. На ней красивое приталенное платье, словно она в любую секунду готова станцевать на сцене.

- У нас пополнение. – Учитель небрежно махнула рукой в нашу сторону. – Осваивайтесь, девочки. Сегодня будем разучивать шаг вальса. – Снова хлопок. – Разойдитесь шире, чтобы у каждого был квадрат вокруг.

- Какой ещё квадрат? – язвит Галетов. – Мы не на уроке геометрии.

- Вообразите его себе, - не разозлилась учительница. – Нужно место для шага, именно по этой фигуре вы будете двигаться. Все знают счёт в вальсе?

Послышался хор несуразных ответов, сливающийся в один гул.

- Приставной шаг вальса на «раз, два, три». Давайте попробуем вместе. – Маргарита Семёновна встала в стойку, расправив и без того прямую спину, раскинув руки в стороны.

Ученики повторили. Спина не поддавалась, с хрустом протестовала. Время, проведённое за мольбертом, давало о себе знать.

- Скользящие шаги. На счёт «раз» — вперёд правой ногой, на «два» — приставили левую, на «три» — правая нога делает снова шаг, но уже на месте.

Периодически кого-то пробивало на смех. Учитель шикала на них, проходя между рядами.

- Шаги плавные и скользящие, - наставляла она, качая головой. - Ноги должны наступать сначала на носок, а затем только на полную стопу.

Я же старательно преодолевала стеснение. Меня радовало только то, что с виду Нике было ещё более неловко. Она больше походила на ветряную мельницу в штормовой день.

- Спину прямее. Плечи расправили. Голова слегка подняли. Нет, Тарасова, - недовольно фыркает на какую-то ученицу из параллели, - не так высоко, а то шею сведёт или вовсе опрокинешься. Нам тут сотрясения мозга не хватало.

- Нечему там сотрясаться, - комментирует соседка так, что слышу только я, - одна извилина и та понтовая.

Прыскаю, сбиваясь с ритма. За что получаю строгий взгляд Маргариты Семёновны.

- Раз, два, три. Раз, два, три. Вот так. Ещё! Старательнее, девочки, - говорит она нам, затем отходит к королеве и её свите, которая продолжает вскользь оглядываться. – Молодцы, дорогие.

Её взгляды настораживают. Пусть я и стараюсь отогнать тревожащие сигналы: от них никуда не деться.

- Не знаю, чем ты ей насолила, но забей, - серьёзно говорит Ника, остановившись и посмотрев на ТриССу так, что та быстро отвернулась. – Даже в детском саду она была маленькой сучкой, ничего не изменилось и перед окончанием шко-

лы.

Отмалчиваюсь, не зная, как вести себя с внезапно подобревшей новенькой. Я думала, что моя утренняя вспышка вызовет агрессию. Но не была готова к дружелюбию.

Звонок звенит, как раз когда я готовлюсь признать, что чувство ритма у меня отсутствует, а обе ноги левые. Хвала Васнецову, что рисую я куда лучше. Судя по *грациозным* пируэтам Ники, словно ожил скелет из кабинета биологии, я не одинока.

- Наконец-то, - протянула соседка, затем категорично заявила: – Больше я сюда ни ногой.

Она вытерла пот со лба, шагнула к выходу, но остановилась, когда я осталась на месте.

- Не идёшь?

- Иду, - киваю и следую за ней, попутно уворачиваясь от спешивших школьников.

Я направилась к раздевалке, сбоку от зала, как и основная женская половина. Ника тоже зашла, хотя переодеваться ей явно не нужно. Трисса с подружками остались у входа. Их опять что-то дико рассмешило. Они буквально захлёбывались обильно выделяющейся слюной.

- Идиотки, - буркнула соседка, перешагнув через порог и обернувшись.

Хмурюсь. Предчувствие засосало под ложечкой. Тревожность вернулась. Подавлять её уже практически невозможно. Руки дрогнули, потянувшись к шкафчику. Ника остано-

вилась за моей спиной, словно тоже ожидая чего-то... недоброго.

Но в шкафчике не было ничего необычного. Мои вещи также небрежно закинута: я спешила. Подхватываю юбку. От шока челюсть резко опускается, грозясь встретиться со стопами или просто вывихнуться.

- Вот твари! – рокошет Ника. Она резко поворачивается и выбегает из раздевалки.

Одноклассницы и девчонки из параллели замечают тряпку, в которую мои пальцы намертво вцепились. Кто-то прикрыл рот рукой, другие не постеснялись – все довольно усмехались.

- Трусливо свалили! – Девушка вернулась, сдвинула брови, глядя на юбку. Или, скорее, на то, что от нее осталось. – Чего уставились? – огрызнулась она на одноклассниц. – Свободны!

Опускаюсь на деревянную лавочку, пытаюсь собрать разрезанные куски. Юбку знатно укоротили. Будет везением, если она прикроет мне ягодицы. Срез неравномерный. Волнами. Словно в спешке. В одном месте выдран клочок тупыми ножницами. Лезвия забуксовали на шве, не дав полностью разделить ткань.

Вздыхаю, понимая, что пропала.

- Это месть за утро?

Ника мягко садится рядом, будто боясь потревожить разгорающийся фитиль. Стоит неаккуратно всколыхнуть воз-

дух вокруг меня, и бомба взорвётся.

- Разве нужен повод? – задаю риторический вопрос, вовсе не ожидая ответа.

- Таким людям нет, - признаёт соседка. – Давно ты здесь учишься?

- Третий год. – Лишком огорчена, чтобы отмалчиваться.

Ника задумчиво пожевала серёжку в губе.

- Как раз после моего отъезда.

Пожимаю плечами: мне неизвестно.

- Думаю, ты легко отделалась, - она указывает на юбку. – Они могли придумать ещё что похуже. Но воображалки не хватило.

Опускаю голову, чувствуя, что опустошена. Мне обидно. Мама много работала, чтобы купить её.

- Хуже не придумать.

- Почему? Это ж просто юбка.

- А я не *просто* так стипендиатка, - подчёркиваю, хотя не верю, что она поймёт. – Этот костюм стоит как несколько маминых зарплат. Она уже потратилась, когда покупала его в начале года. Как мне сказать ей, что нужна новая юбка?

И как объяснить, почему она мне нужна? Не могла же я сказать маме, что случилось, да и показать искромсанную вещь – плохая идея.

Я смирилась с хватаем за волосы, подножками, выбиванием стула из-под меня, разбрасыванием моих вещей. Даже с кефиром в сумке. Но проча дорогой вещи, расстраивает

сильнее.

Девушка шумно вздыхает, забирает юбку из моих рук.

- Может, её можно починить? Ну там, зашить.

- Точно, - быстро встаю, спеша забрать куртку из гардеробной, - нужно сходить в ателье.

- Я могу зашить, - надежда вспыхнула в глазах соседки, отражая мои эмоции, - но это будет заметно, - и так же быстро погасла.

Швея сочувственно поджала губы, осматривая потерпевшую юбку. Я потёрла переносицу, борясь с нараставшей головной болью и слезами разочарования.

- Вот эта часть пришьётся более-менее, - она подцепила двумя пальцами выданный кусок. – А вот эту часть, - указала на разрез юбки вдоль, - придётся полностью отрезать. Если пришивать, то будет грубый шов посередине. Можно подровнять, но будет коротковато. Для школы.

Плечи Ники опускаются. Она ругнулась себе под нос, мы сделали вид, что не слышали.

- Сделайте, что сможете, - просит соседка, затем хлопает меня по плечу. – Идём.

- Куда? – удивляюсь, но выхожу из ателье после кивка швеи, прихватив квитанцию.

- Я нашла выход из этой ситуации. – Уголок её губ приподнимается.

- Какой?

Улыбка становится шире. Девушка вытаскивает смартфон, стучит пальцем по экрану.

- Просто дам тебе свою.

Мне слышалось?

- Что? Нет.

- Так и знала, что ты будешь возражать.

Ника кивает своим мыслям, затем переводит глаза на меня, закидывая телефон обратно в сумку.

- У меня есть несколько юбок, - словно ребёнку растолковывает она. - Не думаю, что размеры у нас отличаются. Просто отдам одну тебе. Мне не жалко, тебе необходимо. Всё просто.

От возмущения зачесался нос.

- Ничего не *просто*, - опять это слово. - Не знаю, зачем ты пошла со мной, или почему вообще заговорила, но я не собираюсь ничего у тебя брать. Это какой-то прикол? Ты тоже решила поиздеваться надо мной? Мало было утра?

- Эй, эй, - Ника замахала руками перед моим лицом, - придержи коней.

Она нервно переступает с ноги на ногу. Смахивает чёлку в сторону.

- За своё поведение утром я извиняюсь. Это было грубо. Но я вот такая прямая, как палка. Не люблю юлить. Если что интересно, спрашиваю, а не довольствуюсь сплетнями.

Обхватываю рукой лямку сумки в районе предплечья. Девушка буквально огорошила меня. Такого ответа я никак не

ожидала.

- Заговорила я с тобой, потому что мне было скучно, а из всех в классе ты кажешься более адекватной.

- Это вряд ли, - буркнула я.

- Ты не важничаешь, не понтуешься...

- Было бы чем.

- Никого не обижаешь, - продолжает, - и не пытаешься со мной сблизиться из-за моего придурка братца. Поверь, этого достаточно.

Упоминание Кира заставляет меня сделать шаг назад.

- Хотя я и не понимаю, почему он злится на тебя, ты мне уже начала нравиться.

- Я ничего ему не сделала, - процедила, сквозь плотно сжатые зубы.

Каждый раз стоит мне вспомнить о существовании этого человека, что-то переворачивается внутри. Словно мой желудок поместили в центрифугу. Ощущение не из приятных. Как и сам парень.

- Забей, не будем о нём говорить, - отмахивается Ника. – Я могу тебе помочь, и я хочу тебе помочь.

- Я не собираюсь брать у тебя юбку и...

- Пусть это будет благодарностью за то, что ты спасла меня на ночёвке. Ещё и присмотрела за мной до прихода Кира.

- Ты уже сказала спасибо. Да и сделала я это не для тебя.

- А для кого же? – Что ж, получилось её удивить. Густые брови соседки резко приподнялись.

- Для себя. – Это честно. – Чтобы совесть не мучила.

Ника рассмеялась.

- Теперь ты нравишься мне ещё на ступеньку больше.

- Я этого не хочу.

Это тоже правда. Последнее, что мне было нужно, - это симпатия неконтролируемой сестры Кирилла Громова.

- Ладно, давай так. – К нам подъезжает такси, которое она, видимо, успела вызвать через приложение. – Я могу одолжить тебе юбку, пока твоя мама не купит тебе новую. Ты просто вернёшь мне мою юбку и всё.

Плохая идея.

- Поехали.

- Куда?

Ника открывает дверь машины, оборачивается.

- Туда, где у меня стоит шкаф, в котором висят вещи.

Идея ещё хуже.

Соседка хватается меня за руку.

- Не бойся, Кир в это время всегда где-то ошивается. А родители на работе. Буду только я.

Обнадёживает. Но предчувствие оседает в груди, словно песок. Все равно сажусь в такси следом за новенькой, отчётливо понимая, что пожалею. Но страх перед тем, что мама узнает, сильнее.

Третий год я живу с желанием защитить её. Неведение – всё, что я могу сделать, чтобы уберечь от новых потрясений. Жизнь мамы и так в один миг провалилась в бездну отчая-

ния. Не могу подвести её. Пусть верит, что у меня всё хорошо. Тогда, возможно, и в её мир пробьётся луч надежды на счастье.

Поддержи автора, оставь комментарий, поставь лайк!

P.S. Напоминаю, что у автора есть группа Вконтакте, где уже можно познакомиться с ВИЗУАЛИЗАЦИЕЙ героев!

Глава 9

POV Аня

Дом семьи Громовых выглядел иначе, чем я представляла. Здесь не было шикарных подъездных дорожек с фонтаном; кустов в виде подстриженных фигурок; бассейна; и других пафосных атрибутов роскоши из фильмов.

При этом стиль особняка можно было охарактеризовать одним словом – минимализм. Отсутствие вычурности делало картинку приятной моему глазу. Владельцы не кичились состоянием, но качество постройки и оформления говорило о хорошем вкусе хозяев.

Большая ухоженная территория уже покрылась желтой листвой, которую ещё не успели собрать. Трава пожухла, а кусты бережно прикрыты, чтобы уберечь их от холодов. Ночью уже обещали первые заморозки.

- Папа любит европейский стиль, - говорит Ника, увидев, что я разглядываю дом. – Он нанял английского архитектора, чтобы тот спроектировал этот дом. Да и строительная компания тоже не наша.

Вот вам и шик, скрытый за скромностью.

- Красиво, - признаю я.

Два этажа. Сочетание приятных пастельных тонов. Двухскатная крыша. Преобладают правильные геометрические формы. Окна арочной формы расположены в строгом поряд-

ке и оформлены камнем. Штукатуренный фасад.

Вход в дом не по центру, а сбоку, и под каменным навесом, являющимся частью постройки, обрамлён аркой. По бокам от резной двери красивые светильники, среагировавшие на наше появление.

- Входи. – Девушка открыла дверь и махнула рукой, приглашая. Я замешкала на пороге, неуверенная, что мне следует входить. Заметив это, Ника схватила меня за локоть и затащила внутрь. – Не бойся, дома никого нет.

Я выдохнула, оказавшись в небольшом холле.

В таких домах мне бывать никогда не приходилось. Я старалась не вертеть головой, но при этом бегала глазами, осматривая обстановку.

Внутри дом ничем не уступал внешнему убранству. Умелое переплетение классики и модерна. Светлые обои давали выделиться мебели или другим деталям интерьера. Всё было так гармонично, что не могло не изумить. И вместе с тем, мне как художнику, захотелось добавить немного цвета.

- Я предлагала покрасить стены в чёрный, - хмыкнула соседка.

- Значит, твоя комната чёрная? – брякнула я, на что Ника рассмеялась.

- Если бы. Сама увидишь.

Я не ждала, что она покажет мне свою комнату, даже раздеваться не стала, лишь сняла кроссовки. Но чтобы попасть в неё, нам пришлось пройти почти весь дом. Из холла откры-

вался прекрасный вид на гостиную, по размерам в несколько раз больше нашей с мамой. Кухня мелькнула справа, когда мы остановились у торжественной резной лестницы.

- Это мамина гордость, - новенькая морщится. — Папа был против, но пошёл на уступки. Со мной он не так милостив. Я слишком часто и профессионально играю на его нервах.

Я промолчала, потому что не знала, какой должна быть реакция на чужую откровенность. Ника лишь вздохнула, затем двинулась вверх по лестнице.

Картина на стене привлекла моё внимание. Я не смогла пройти мимо величественного изображения семьи из четырёх человек. Родители сидели на стульях, а дети стояли по бокам. Кира и Нику я узнала сразу. А мать и отца никогда прежде не видела.

Двойняшки хоть и были разными, но их схожесть с отцом поражала. Те же черты лица и даже упрямый взгляд. Тёмные волосы, зелёные глаза, красивая линия губ.

А вот мама у них была светловолосой и голубоглазой красавицей, со строгим взглядом, прожигающим даже сквозь полотно.

Ника не заметила моего интереса, продолжила подниматься.

Её спальня находилась в самом конце коридора второго этажа. Мы прошли пять комнат. Этот дом оказался просторнее, чем я предполагала. А сама комната удивила гораздо больше.

- Белая?

Морщусь от яркого света, затем ошарашено оглядываюсь по сторонам. Из мебели только кровать, шкаф и стол. И те аналогичного цвета.

- Ага. - Ника наигранно рассмеялась. – Первое, что я сделала, вернувшись домой - содрала обои, которые поклеили родители.

Она подошла к шкафу, достала юбку, протянула её мне.

- Думаю, размер совпадает.

Я опустила глаза, чтобы посмотреть на бирку. Абсолютно новая юбка. Размер правда был такой же, как и у меня.

Ника бухнулась на кровать, уставившись в потолок. Я запихнула юбку в сумку, затем посмотрела на дверь, решив, что мне пора убираться.

- Я отдам тебе новую, которую куплю, - обещаю. – Спасибо тебе.

- Ай, - девушка махнула рукой, словно отогнала жужжащую муху, - не переживай. У меня их несколько, а я и в школе-то почти не появляюсь. Меня всё равно скоро отправят обратно.

- Почему? – вырывается у меня. Быстро хлопаю ресницами, затем закусываю губу, понимая, насколько неприлично лезть в жизнь почти незнакомого человека. Пусть она и привела меня в свой дом, чтобы одолжить свою вещь.

- Потому что я не справляюсь, - хрипло призналась Ника. – Кир хотел, чтобы я вернулась домой. Он уговорил от-

да сжалиться. Но я не в порядке. Терапия помогает лишь на время. Мой психиатр уверен, что я сама не хочу справляться. Мне нравится изматывать себя и заставлять всех вокруг страдать, словно это их вина. Но это лишь моя ответственность.

Я опустилась на кровать рядом с соседкой. Кожу покалывало от мурашек, вызванных своеобразной исповедью. Она словно потянула за ниточки, ведущие глубоко внутрь моих собственных переживаний.

Что если я тоже сама виновата? Наивность и отчаянное желание кинули меня в чужие руки. Я вовсе не знала его, но доверилась.

- Я содрала обои из вредности. Хотела доказать, что смогу лучше. – Она горько хмыкает, обводя комнату указательным пальцем. – Как видишь, до сих пор не получилось.

- Что... - хриплый голос показался чужим. – Что ты хотела здесь сделать?

- Роспись.

Девушка оживленно вскочила с кровати. Она порылась в ящике стола, затем протянула мне листки.

- Ох, - вырвалось у меня, когда я увидела рисунки.

Четыре листа, на каждом разные изображения. Глаз зацепился за самый первый. Это были голова и спина девушки, отвернувшейся от изображавшего художника. Её яркие волосы развиваются на ветру, а из спины прорезаются красивые сверкающие крылья.

- Круто, правда?

- Да, - честно отвечаю, - здорово.

- Психиатр согласилась, что это будет хорошей терапией.

Но у меня нет художественного таланта. Палка, палка, огурчик, вот и вышел человечек.

Я прищурилась на девушку, когда подозрение кольнуло под рёбрами.

- Не-е-е-т, - Ника закатила глаза, явно понимая ход моих мыслей. – Я не для этого тебя привела. Вернее... - Он пожал плечами. – Ладно, эта идея пришла мне в голову, но я решила, что тебе тоже может быть это интересно.

- Но какой толк в терапии, если рисовать будешь не ты?

- Я собираюсь помогать. Тебя заинтересовало?

Качаю головой, хотя кривлю душой.

- Нет, мне надо готовиться к конкурсу.

- *У тебя нет ни одной идеи*, - противно зашептал внутренний голос. – *Ты не сдвинулась ни на миллиметр. Даже не знаешь, в какую сторону двигаться.*

- Я заплачу и...

- Нет! – почти вскрикиваю. – Мне не нужны твои деньги...

Договорить мне не удалось: дверь открылась, и на пороге застыл Кирилл Громов собственной персоной.

На нем был спортивный костюм. Влажные волосы, словно он только что вышел из душа, казались темнее обычного. Его глаза сузились, заметив меня. Он кинул вопросительный взгляд на сестру, затем обвиняющий на меня. Рука с длинны-

ми пальцами сильнее сжала ручку сумки: парень разозлился.

Моё сердце стукнуло, затем провалилось в пятку. Страх и замешательство.

- Что *она* здесь делает?

- Ой, не начинай!

Ника обошла меня, останавливаясь напротив брата.

- Выходи, - приказывает она ему, - не здесь. – Девушка оборачивается ко мне. – Подожди минутку, я сейчас.

Как только дверь за ними закрывается, решаю, что мне здесь точно больше делать нечего. Чувала же моя пятая точка, что идея - говно. Не нужно было вообще сюда приходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.